**Философско-правовые основания социальной политики
Российского государства: материалы круглого стола,
посвященного Всемирному дню философии**

**Philosophical and legal foundations of the social policy of the Russian state:
materials of the round table dedicated to the World philosophy day**

20 ноября 2020 года кафедра философии Нижегородской академии МВД России при поддержке Нижегородского отделения Российского философского общества организовала и провела межвузовский круглый стол, посвященный Всемирному дню философии.

В работе круглого стола приняли участие политики, ученые из Нижнего Новгорода, Москвы, Волгограда, Иркутска, представители духовенства, учащиеся Нижегородской академии МВД России.

Научные мероприятия, посвященные Всемирному дню философии являются традиционными для Нижегородской академии. В этом году общей для обсуждения стала тема «Философско-правовые основания социальной политики российского государства».

On November 20, 2020, the Department of philosophy of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the support of the Nizhny Novgorod branch of the Russian philosophical society organized and held an interuniversity round table dedicated to the World philosophy day.

The round table was attended by politicians, scientists from Nizhny Novgorod, Moscow, Volgograd, representatives of the clergy, students of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific events dedicated to the World Philosophy Day are traditional for the Nizhny Novgorod Academy. This year, the general topic for discussion was “Philosophical and legal foundations of the social policy of the Russian state”.

Дахин Андрей Васильевич, доктор философских наук, профессор, заведующий базовой кафедрой государственного и муниципального управления Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

**Социальная политика и права человека:
философские альтернативы и конституционный выбор России**

Во второй половине XX века в СССР сформировались парадоксальные отношения между практиками государственной социальной политики («социалистической» в тот период) и практиками защиты прав человека. В силу сложившихся исторических условий в сфере международных отношений (первая «холодная война» в отношениях Запада и СССР) и особенностей внутриполитического устройства (идеологическая канонизация преимуществ социалистической политики в интересах человека труда) понятия «социальная политика» и «права человека» рассматривались в качестве непримиримых противоположностей. После 1991 года независимой России начался процесс сближения смыслов и практик социальной политики и практик защиты прав человека. Этот процесс продолжается до сих пор, выявляя новые и новые площадки сближения смыслов, целей, форм организации деятельности. В настоящее время в России существует распределенная организационная структура уполномоченного по правам человека, есть различные отраслевые ветви (по правам ребенка, по правам предпринимателей), и деятельность этих институций достаточно конструктивно интегрируется в практики социальной политики разного уровня. Казалось бы, старая проблема решается, причин для беспокойства нет. Однако это не совсем так, более того, новые вызовы процессам гармонизации социальной политики и политики защиты прав человека появляются посредством идеи о глобализации политики прав человека¹, вслед за которой появляется идея гло-

1 Osvaldo Guariglia Human Rights — Between Universalism and Particularism // Human Rights in Turkey and the World in the Light of Fifty-year Experience / ed. by Ioanna Kuçuradi. Ankara: Hacettepe University. 2002. Pp. 23—32.

бализации социальной политики на базе глобализации процессов технологического развития¹. Обе идеи отрицают фундаментальную значимость государственного суверенитета как в определении приоритетов государственной политики, так и приоритетов политики в области прав человека. В основе всей новой коллизии лежат фундаментальные философские альтернативы, которые разрушают былую общепринятую ясность и понятия «социальная политика» и понятия «права человека».

Так, отечественная социальная политика 1991—2020-х годов соотносится с двумя группами глобально популярных концепций, которым свойственны примечательные странности. Одни концепции нацелены на определение природы предмета социальной политики, но странно, что человек исчезает из этого предмета. Другие концепции определяют основы изменений, переходного социально-экономического или социально-политического транзита, но в них исчезает понятие «развитие». Для первого случая характерна позиция Т. Бернса и Т. Дица — в качестве эволюционирующих предметов рассматриваются не люди и сообщества людей, а абстрактные социальные отношения или «системы правил»², которые содержательно сводятся к «аутопойезису» и к отрицанию у общества и человека собственного сущностного начала³. «Из жизни людей исчезают люди»⁴, и странность в том, что это предлагается считать нормальной мировоззренческой/философской максимой. Наиболее консервативные теоретические подходы оставляют человека в качестве носителя рабочей силы, к которой требуется бережный и рациональный подход («человеческий капитал» и т. п. понятия), но и эта ниша закрывается, ее сменяют «безлюдные технологии». Отечественная философия советского периода предпринимала попытку осмысления ведущей роли человека и социальной политики в обществе (И.Т. Фролов и др.), опираясь при этом на положения о «ведущей роли экономических отношений»⁵, которые создали, если можно так сказать, железный потолок (он сохранился и после крушения «железного занавеса») для философских поисков гуманистической направленности и остановили движение мысли И.Т. Фролова на стадии «конца классической философской антропологии»⁶. Концептуальная основа советской социальной политики сводилась к задачам управления, где политическая власть первенствует над экономикой, а экономика имеет ведущую роль в отношении социальной политики. Кроме того, идея «советского человека» имела в своей основе понятие «труд» — понятие, которым, с одной стороны, определялось сущностное начало человека, а с другой — утверждалась фундаментальная зависимость человека от способа материального производства. Постсоветское апологетическое увлечение теориями рыночной экономики полностью отрезали представления о труде от его онтологического сущностного фундирования и в то же время закрепило идеологию прямой зависимости человека от экономики, будь она «рыночная» или «государственная» (понятие «человек экономический» и пр.). Философский анализ этого процесса позволяет заключить, что как в философии Запада, так и в отечественной философии позднего советского и постсоветского периода происходит деонтологизация представлений о человеке/человеке труда: диалектика социального бытия и социального существования в понимании природы человека редуцируется к одномерной максиме связи человеческого индивида только со сферой его социального существования, где «социальность» редуцируется к аутопойезисам, обеспечивающим а) дробление, «измельчение», манипуляции с материально-физиологическими потребностями больших масс индивидов и б) спекулятивное удовлетворение этих потребностей. Основными инструментами редукции стали в XX веке феноменология Э. Гуссерля, теория повседневности (А. Шюц и др.) и теории социального конструирования (П. Бергер, Т. Лукман и др.). Социальная политика, соответственно, строится по философским лекалам «общества потребления», которые «кружат голову» также и российским политикам⁷.

1 Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva: World Economic Forum. 2020. Pp. 59—78.

2 Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс. 1996. 416 с. С. 167.

3 Луман Н. Общество как социальная система // Общество общества: в 5 кн. Кн. 1 / пер. с нем. М. Антоновский. М.: Логос. 2011. С. 15—201. С. 93—94.

4 Кутырев В.А. Унесенные прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя. 2016. 300 с. С. 19.

5 Социальное познание и управление / под ред. С.И. Попова, Б.И. Сюсюкалова. М.: Мысль. 1983. 288 с. С. 171—172.

6 Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя. 2015. 312 с. С. 168—169.

7 Фурсенко — нам творец не нужен, нам нужен — «профессиональный потребитель». URL: <https://zen.yandex.ru/media/vln/fursenko-nam-tvorec-ne-nujen-nam-nujen--professionalnyi-potrebitel-5a8eb1a5610493d940e025c7> (дата обращения: 01.11.2020).

Вторая группа теорий увязывает социальную политику с концептами «социальных изменений» (П. Штомпка), экономического транзита/общества переходной экономики (Е. Гайдар), политического транзита (S. Mainwaring, А.Ю. Мельвиль и др.). Странность в том, что такие теории исключают понятие «развитие», в лучшем случае сохраняя идеи дарвинистского неозолюционизма. П. Штомпка в своем исследовании современных социологических теорий, хотя и вводит различие понятий «репродуцирование» (простое или расширенное, оно указывает слабые или сильные «количественные изменения») и «трансформация» (указывает на «базовые качественные изменения»¹, хотя и формулирует соотношение понятий «изменение», «прогресс» и «развитие» («Идея прогресса логично вписывается в модель направленной трансформации и в некоторые версии теории развития»²), но развернутого понятия о социальном развитии не предлагает. В тренде популярности понятия «изменение», «прогресс», «эволюция/революция» и пр. Понятие «развитие» — нет. В результате происходит редукция «развития» к концептуализированным техникам, практикам, технологиям внедрения тех или иных массовых или секторальных нововведений, нацеленных на широкий спектр приоритетов повседневности от «просто выжить или приспособиться» до «повышения чувства удовлетворенности или комфорта», наращивания «потенциала само-трансформации» и «свободы преобразовывать собственное общество»³. Концепты «социальных изменений» фокусируют внимание исследователя только на бесконечном калейдоскопе комбинаций, манипуляций, измельчений одних и тех же «факторов» поведения больших масс индивидов, а «прогресс» определяется в конечном счете ростом объемов продаж тех или иных объектов массовой дистрибуции товаров или услуг, стандартов образа жизни под названиями «счастье», «свобода» и пр. В пределе эти представления о социальных изменениях выводят своих фоловеров на простор теорий трансгуманизма, утверждающего идеи патологического несовершенства традиционного природного-и-культурного человека, определяемого в качестве промежуточной ступени глобальной эволюции материи. Трансгуманизм страстно стремится увлечь индивида, измотанного погоней за индивидуальным счастьем-в-повседневности, кое-чем большим, — новым светлым будущим, которое требует своеобразного самопожертвования: умышленного отказа человека от всего человеческого ради ускорения перехода материи на следующую, постчеловеческую ступень эволюции. «Деконструировать, реконструировать, конструировать». Улучшать человека «вплоть до замены постчеловеком... Уверяют, что в «расчеловечивании человека» нет ничего плохого», как и в полной замене его чем-то другим⁴.

Теории модернизации и транзита, будь они экономического или политологического толка, заменяют концепты социального развития теориями уподобления социальной организации одних стран (используется термин «развивающиеся страны») правильному образцу других стран (именуются «развитыми»). Циничный сарказм этих теорий в том, что словом «развитие» они фаршируются очень обильно (напомним еще и характерный термин «догоняющее развитие»), но все смыслы философской традиции, в которой понятие «развитие» было сформировано, отброшены. Слово «развитие» действует в качестве пустого означаемого, ситуативное содержательное наполнение которого достигается косметическими манипуляциями с опорой на «рейтинговый менталитет» (термин П. Бурдьё) традиционных СМИ, рекламы и социально-сетевой толпы. Философский анализ этих идейных течений позволяет увидеть в них второй поток деонтологизации социальных теорий: концепции развития отделяются, отчищаются от представлений о существенных аспектах социальности и редуцируются к ее ситуативным, эмерджентным проявлениям в повседневности. В свете этих подходов социальная политика строится на попытках повторить успех «развитых стран», правильно выбрать себе образец для подражания, правильно скопировать чужие, уже готовые «успешные практики», позаимствовать готовые социометические системы и т. п. Отечественные политики также увлечены такими подходами, видя дополнительные аргументы «за» в том, что на отказе от собственных разработок можно сэкономить. Содержательный анализ обеих групп современных социальных теорий приводит к выводу, что ключевая проблема — это воз-

1 Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс. 1996. 416 с. С. 39.

2 Штомпка П. Социология социальных изменений. / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс. 1996. 416 с. С. 49.

3 Штомпка П. Социология социальных изменений. / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс. 1996. 416 с. С. 169.

4 Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с. С. 167—168.

вращение социальной онтологии в социально-философские и социальные теории. И дело не сводится к простому «откату системы» на известные позиции классической философской онтологии, социальной философии и философской антропологии. Онтологический вызов современной философской культуре России вопрошает об обновлении представлений о сущностных силах человека и общества.

Сходная ситуация в области прав человека. Общепринятое значение понятия «права человека» получило свое существование благодаря Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, резолюция 217 A(III). Непосредственной причиной выдвижения этого понятия было стремление стран — победительниц во Второй мировой войне исключить возможность повторения преступлений против человека на государственном уровне, подобных тем, что практиковал германский нацизм. Декларация провозглашает комплекс идей, которыми предлагается руководствоваться всем государствам планеты. Декларация о правах человека рассматривалась в качестве идейной прививки, которая должна защитить человека, в какой бы стране мира он ни жил. Однако 50-летний опыт послевоенной жизни Запада под эгидой «прав человека» показал, что идея «экономического развития» приобретает чуть ли не абсолютно доминирующее значение, последствия чего совершенно противоречат идеям декларации «прав человека»: «такая политика девелопментаризма не просто углубляет несправедливость, но углубляет ее глобально»¹. На практики «колонизации мышления» с помощью идеи «права человека» критическая философия реагирует, ставя вопросы о фундаментальной важности культурной идентичности и культурного развития².

Бытовая ясность призыва Декларации (вот человек, вот он хочет иметь семью, вот защита его права на это) в настоящее время сталкивается с вопросом о том, что такое «брак», ответ на который переводит разговор на уровень философии. Одни философские течения (постмодернизм) утверждают, что «брак» (семья) может быть однополым. Другие философские течения (русская философская традиция) обосновывают идеи о том, что «брак» — это союз мужчины и женщины, который продолжает традицию естественного рождения и семейного воспитания детей³. Ответ на вопрос о «браке» (семье) переводит дискуссию в более фундаментальный регистр философии — к вопросу о природе человека. В связи с тем что современное глобальное поле философии предлагает несколько альтернативных представлений о природе человека, общепринятое содержание слова «человек» перестало существовать, стало «пустым означающим». Постмодернизм описывает человека в качестве социального конструкта (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман и др.), который сам себя непрерывно реконструирует, размельчает, преобразует свои качества для приспособления к рыночной внешней среде и достижения успеха в ней. Трансгуманизм описывает человека как временную, промежуточную стадию эволюции материи, которая изживает саму себя и должна уступить место новой, более высокой ступени развития (кибернетической), принеся себя в жертву ей. Русская философская традиция (от В.С. Соловьева до А.Ф. Loseва, И.Т. Фролова, Л.А. Зеленова, В.А. Кутырёва и др.) обосновывает представление о человеке как об индивидуальной-и-коллективной личности, сущностные силы которой реализуются в форме субъекта (индивидуального и/или коллективного) деятельности в мире природы и в мире людей. В свете каждой философской теории человека смыслы жизни человека в обществе будут формулироваться по-разному, а вслед за смыслами жизни различным будет и содержание «прав человека». В повестке дня — работа, которая обеспечит переход от *глобально общепринятого* понятия «человек» к *общепринятому в России* понятию «человек».

Действующая Конституция РФ уже содержит отдельные признаки отхода от принципа глобальной «общепринятости» ключевых понятий, которые она использует. Характерный пример — указание на то, как в России понимается понятие «брак»⁴. Последовательный переход от «общеизвестных» конституционных понятий о правах человека к «общеизвестным в России» требует

1 Kuçuradi I. Introduction // Human Rights in Turkey and the World in the Light of Fifty-year Experience / ed. by Ioanna Kuçuradi. Ankara: Hacettepe University. 2002. Pp. 6—22. P. 9.

2 Kuçuradi I. Introduction // Human Rights in Turkey and the World in the Light of Fifty-year Experience / ed. by Ioanna Kuçuradi. Ankara: Hacettepe University. 2002. Pp. 6—22. P. 11.

3 Шапошников Л.Е., Пушкин С.Н., Сулима И.И. Философско-педагогические идеи в русской мысли XIX—XX веков. Избранные персоналии. М.: Флинта; Н. Новгород: Мининский университет. 2017. 200 с.

4 О совершенствовании организации и функционирования публичной власти: федеральный конституционный закон от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (п. «ж» ст. 72) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

уточнения философии человека, на которой строится наше/ российское представление о природе человека и общества, а также и о природе социального государства¹ и социальной политики. Такая «философия человека» предполагает органичное сочетание в ее структуре мировоззренческих подходов как собственно философии, так и подходов традиционных мировых религий. Это вполне соответствует той миссии Конституции, в свете которой она выступает в качестве носителя ключевых идейных установок нашего государства и общества, а также является одним из опорных элементов общероссийской гражданской идентичности.

Развитие отечественного конституционного процесса в этом направлении предполагает перевод таких ключевых конституционных понятий, как «человек», «социальное государство», «брак», «права человека» и других из состояния «пустых означающих» в состояние значимых «имен идентичности» граждан России. Это предполагает не только детальную кабинетную проработку общепринятой в России философии человека, но предполагает также и широкую просветительскую деятельность, раскрывающую смыслы понятий «человек» и «права человека» и др., для больших масс граждан России. В этом контексте потребуется уточнение содержания гуманитарных дисциплин основных образовательных программ среднего, средне-специального и высшего образования, которые должны обеспечивать просвещение учащихся в вопросах философии человека и других ключевых понятий Конституции РФ (социальное государство, многонациональный народ и др.).

В основе проработки конституционного понятия «человек», если решать также и задачу встраивания его в число значимых имен идентичности гражданина России, необходимо опираться на философию человека как ключевого субъекта развития социальной реальности, философию сущностных сил человека, некоторые ключевые моменты которой были разработаны К. Марксом. Его политическая экономия раскрывает те проявления сущностных сил, которые бытуют и существуют в «труде», а подчинены капиталу, системе производственных отношений, процессам обмена товарами. Маркс изучал то, как сущностные силы человека опредмечиваются в результатах деятельности, имеющих только форму товара. Природе товара по К. Марксу свойственна диалектика форм социального бытия (труда): «товара» (форма наличного бытия труда) и «стоимости» (форма эквивалентного бытия труда)². Гуманитарно-антропологическое измерение этого подхода было отражено в работе Ф. Энгельса³, в которой проведено последовательное разделение онтологии «труда» и «иллюзорных знаний» (архаические верования, мифы), которым было отказано в онтологической фундаментальности. Последующие исследования показали, что в онтологическом измерении форма социального эквивалентного бытия (деятельности человека) — это «идеальное» сущностное начало человека⁴, проявлениями которого выступают индивидуальное и коллективное сознание, духовность, идеалы и др., а «стоимость» — лишь частный случай идеального бытия предшествующей деятельности в сфере социального существования человека. Через раскрытие связи бытия предшествующего развития с природой памяти было дано уточнение онтологии понятия «эквивалентное бытие»⁵, а также было представлено структурное содержание идеальных сущностных начал человека в сфере его материального существования и целостное определение их через понятие «коллективная социально-историческая память»⁶. Можно заключить, что теперь группа понятий «труд»/«деятельность», «бытие предшествующего труда»/«деятельности», «эквивалентная форма бытия», «идеальное», «коллективная социально-историческая память» создает основу для обновленного и целостного определения природы деятельности человека в поле диалектики социального бытия и существования его сущностных сил, а также уточнить философию и содержание социальной политики и представлений о ее развитии.

1 Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (45). 2019. С. 274—278.

2 Маркс К. Капитал. Кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1970. 907 с. С. 56—80.

3 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Энгельс Ф., Маркс К. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 23—178.

4 Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с. С. 176—177.

5 Дахин А.В. Формационное самоопределение универсума. Ч. 1. Природный мир. Н. Новгород: НАСИ. 1992. 107 с. С. 67—89.

6 Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспективы философской концептуализации *memory studies* // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 42—44.

В частности, результаты названных исследований в сочетании с работами А.Ф. Лосева по античной мифологии позволяют дополнить онтологию «труда» Ф. Энгельса и последователей советского периода (В.П. Алексеев, Н.Б. Тер-Акопян и др.) онтологией тотемизма, хтонизма, мифа, которые представляют собой различные исторически конкретные формы идеального социального бытия предшествующей социальной истории деятельности сообществ людей, — социального бытия, в качестве «дома» которого действуют структуры живой социально-исторической памяти. Метафору «дом бытия» использовал когда-то М. Хайдеггер, определяя ею природу языка. Последующие проработки этой метафоры привели к лингвистическому повороту в западной философии, который представляет собой одно из течений деонтологизации философии. Возвращение социальной онтологии в лоно современной философии требует расширения представлений о том, что именно в мире людей действует в качестве «дома бытия». Наши исследования приводят к выводу: домом «присутствия того, что отсутствует» (еще одна из известных метафор М. Хайдеггера), то есть в качестве дома бытия предшествующей истории деятельности сообществ людей действуют структуры социально-исторической памяти, в отношении которых язык выступает одним из многих элементов социального памятования. Наряду с языком есть также обычай, ритуал¹, «вербальная вера» и «уверенность» (термины Л. Витгенштейна), а также «деньги» (по Марксу — это мера стоимости, отражающая затраты общественного прошлого труда), приспособления киберпамяти и другие элементы.

Такое определение природы социального бытия позволяет расширить узко экономическое понятие «труд» до понятия «деятельность», которое предполагает «всесторонний» (в т. ч. в том смысле, как этот термин дан у Л.А. Зеленова²) охват социального бытия и социального существования человека-и-общества. Оно позволяет увидеть за узко секторальной экономической связкой «труд — стоимость» более обширный класс связей деятельности с различными формами ее социального бытия, имеющими как идеальные, так и предметно-материальные формы своего присутствия в сфере существования мира людей. Целостная проработка этого подхода открывается при опоре на феноменологическую философию имени, разработанную А.Ф. Лосевым³, которая позволяет заключить, что источником целостности деятельности и ее целостным социальным продуктом выступает человек («личность»⁴), а представления о диалектической взаимосвязи всех его сущностных моментов, форм их бытия и социального существования могут быть описаны с помощью понятия «имя». Онтолого-феноменологическая структура имени по А.Ф. Лосеву органически объединяет 66 моментов человека-микрокосма-имени, начиная с предметно-материальных («фонема», «семема» и пр.) и заканчивая идеально-духовными (модусы смысла: эйдос, символ, миф и др.)⁵. Конечно, разработанная Лосевым теория имени требует дополнительной проработки применительно к специфике задач современной российской социальной философии. Однако и в имеющемся виде она имеет безусловное значение потому, что основательно намечает путь феноменологического поворота для отечественной философии — путь альтернативы по отношению к гуссерлианской феноменологии, которая привела западную философию в западную деонтологизации.

Человек/сообщество людей — это микрокосм; каждый микрокосм имеет имя (нарицательное, собственное и пр.), то есть специфически социальную и антропомерную форму целостного, рефлексивного бытия и существования в мире людей. В частности, целостность имени сказывается через многомерную идентичность личности человека/сообщества людей, а также опирается на работу структур коллективного-и-индивидуального социально-исторического памятования, благодаря которым социальное содержание имен накапливается на протяжении жизни каждого отдельного поколения людей, а накопленное непрерывно передается от одного поколения другому, образуя бытийную связь поколений и времен в непрерывных социально-антропомерных традициях. В свете этого подхода метафизике труда, создающего товары и определяющего человека в качестве «рабочей силы», противопоставляется диалектика деятельности человека/сообществ людей, создающая в качестве целостного социального продукта человеческие микрокосмы-имена,

1 Дахин А.В. Феноменология универсальности в культуре. Н. Новгород: ННГУ. 1995. 148 с. С. 63—70.

2 Зеленов Л.А. Антропонимия // Зеленов Л.А. Собрание соч. в 4-х т. Т. III. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2006. 244 с. С. 208—217.

3 Лосев А.Ф. Философия имени. М.: МГУ, 1990. 269 с.

4 Зеленов Л.А. Антропонимия // Зеленов Л.А. Собрание соч. в 4-х т. Т. III. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2006. 244 с. С. 83—112.

5 Лосев А.Ф. Философия имени. М.: МГУ, 1990. 269 с. С. 159—161.

социальное бытие которых обретает свой «дом» в структурах социально-исторического памятования, а целостность реализуется через идентичность личности в структурах индивидуального и коллективного имени человека. Человек определяется здесь в качестве социокультурной силы «своего» сообщества. Соответственно, «политической экономии» (в т. ч. в версии «теории повседневности» А. Щюца и др.) предстоит противопоставить нечто вроде политической социологии (философия социальной политики), — науку о социальном бытии, социальном существовании и историческом развитии человеческих микрокосмов-имен, о развитии человека/сообществ людей как социокультурной силы «своих» сообществ. Конечно, предлагаемые подходы таят в себе многочисленные теоретические трудности. Достаточно отметить, что диапазон понятия «свое сообщество» простирается от формата сообщества отдельной семьи до формата общероссийского сообщества, поэтому статус «социокультурной силы», очевидно, не является одномерным и требует вдумчивого осмысления. Тем не менее работа в этом направлении позволит перевести представления о правах человека с платформы «пустых означающих» на платформу «имен идентичности» граждан России.

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; профессор кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета

Справедливость и несправедливость: асимметрия взаимоотношений

О нас, русских, нередко говорят, что мы помешаны на справедливости¹. Если и так, это не самый удручающий вариант помешательства.

Да, разговор о справедливости странен². Казалось бы, все позиции давно выверены, эмпирические отклонения от них типизированы, однако не пропадает ощущение недосказанности и неудовлетворенности ожиданий. Происходит это потому, что человеческая жизнь и ее основополагающие ориентиры не поддаются тотальной рационализации и унификации: человек ведь пока еще, к счастью, не машина и не функция. Так и со справедливостью. Ни одно ее определение не является исчерпывающим и не дотягивает до того, чтобы обоснованно претендовать на статус общезначимого, хотя, надо заметить, отсюда никоим образом не вытекает запрет на выстраивание логически строгих дефиниций и не обнуляется их ценность. И все же факт остается фактом: справедливое для одного несправедливо для другого. И оно не только представляется таковым, но и в действительности таково. Без ощущения справедливости/несправедливости нет и их самих. Чувственно-эмоциональные смыслы, иррациональные в той или иной степени, не отменяют, конечно, смыслы интеллигентно-понятийные, но и не снимаются ими, а выступают совместно в неразрывной связке.

Учет в дискурсе справедливости человеческой иррациональности позволяет объяснить, почему несправедливость воспринимается людьми острее, нежели ее положительная противоположность. Дело в том, что справедливость — всего лишь норма, пусть и ведущая себя по-особому, и согласно социальным стандартам по большей части желательная; тогда как несправедливость, рассматриваемая во все той же социальной проекции, — совершенно нежелательное отклонение от нормы. Помыслим ситуацию далее. То, что справедливость в полноте своей принципиально не формализуема, свидетельствует не столько о недостатках человеческого разума, сколько о достаточно весомом присутствии иррациональной компоненты в самой социальной событийности, причем вне зависимости от характера ее восприятия и оценок.

1 См., напр.: Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи: роман / пер. с фр. Ю. Корнеева. Харьков: Фолио; М.: Аст, 1999. С. 406.

2 См., в частности: Фатенков А.Н. О справедливости, ее границах и о том, что человечнее справедливости // Социальная справедливость: утопии и реалии: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.И. Ленина / под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. М.: Аквилон, 2020. С. 21—28.

Отсутствие безупречного определения справедливости провоцирует мысль о сущностной несправедливости общественной жизни, различающейся в своих феноменах, дескать, лишь количеством негатива. Подобная установка, неоправданно упрощая социальную картину мира, настраивает человека на покорный конформизм. Упрощенческой, подпитывающей порывы восторженного конформизма, оказывается и симметричная установка, оценивающая общественную жизнь исключительно мерой справедливости. Отвергая обе односторонние ориентации, имеет смысл отстаивать тезис о реальном (не надуманном) существовании в социальном пространстве-времени как справедливости, так и несправедливости, и — подчеркнуто — об асимметрии их взаимоотношений.

Стержневая идея автора формулируется в трех парных утверждениях. Рост справедливости в обществе ведет к соответствующей убыли несправедливости, урезание справедливости — к соответствующему нарастанию несправедливости. Прирост несправедливости в обществе равносильен снижению справедливости, но *снижение несправедливости не равносильно приросту справедливости*. Несправедливость никак не заинтересована в том, чтобы саму себя преодолевать, и никогда не преодолевает; ни одно отклонение от несправедливости прямоком справедливостью не оборачивается. Справедливость же не может быть и оставаться собою, отчасти себя не преодолевая; не всякое отклонение от справедливости означает ее урезание.

Выраженная геометрически, идея становится наглядней. Так и здесь. Полюса справедливости и несправедливости поначалу соединим прямой. Получим отрезок, почти совпадающий в используемой линейной репрезентации с отрезком социальности. Справедливость — ценность именно социальная по преимуществу. В отличие, скажем, от счастья и любви — по преимуществу экзистенциальных ценностей. Рассуждения о счастливом обществе или государстве откровенно утопичны. Счастливы и несчастны есть в любом социуме — и справедливом, и несправедливом. Ни один общественный строй, ни один политический режим не гарантирует увеличения счастья и уменьшения несчастья. И не вправе давать подобных обещаний. Правомочны, и то до некоторого потолка, обещания подтянуть справедливость, вернее же, снизить уровень несправедливости. Вернемся, однако, к геометрическому подспорью. Полученный выше отрезок разделим на части — но не на две: там, где больше справедливости, и там, где больше несправедливости, и с пограничной точкой, в которой той и другой поровну. Такой социально событийной точки с равенством справедливости и несправедливости вообще нет. Как нет и поначалу допущенной нами непрерывной линии, проходящей через их полюса. Линия разорвана: участки с доминантой справедливости и доминантой несправедливости обрываются, упираясь в область неопределенности с ее подвижными, смещающимися вправо-влево рубежами и с меняющимся объемом.

В полосе неопределенности, о которой идет речь, человеческий поступок не может быть безупречно идентифицирован как справедливый или несправедливый с опорой лишь на преобладающую в обществе систему ценностей и спектр социально допустимых действий (чего хватает для процедур идентификации на примыкающих к полосе участках). Эта социальная недостаточность компенсируется и преодолевается только ответственными личностными решениями и смыслами.

Хрестоматийный сюжет и вопрос. Перекроет ли сотня или даже тысяча жизней, спасенных от гибели, нищеты и разврата, насильственную смерть гадкой старухи-процентщицы? Социальная арифметика надежного ответа никогда не даст. Ни большинством голосов, ни положившись на мнение авторитетного меньшинства неоспоримого вердикта не вынести. Общественности, всегда склонной к количественным подсчетам, не составит особого труда сколотить внутри себя большинство, оправдывающее ликвидацию социального паразита, особенно если ликвидация будет произведена чужими руками. И та же общественность, легко поддающаяся манипулированию, способна запросто занять и полярную позицию — оправдать циничного эксплуататора, сославшись на аргумент линейного морализаторства: дескать, несправедливое устранение несправедливости лишь множит несправедливость. Внятный ответ социальным теоретикам дает на страницах романа офицер-бильярдист: «А, по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости!»¹. Незатейливая, казалось бы, мысль концептуально глубока.

Справедливость, как выясняется, при всей своей социальной ангажированности крайне нуждается в экзистенциальной подпитке — причем и вблизи своего полюса. Иными словами, область неопределенности, разрывающая линейную социальность, гораздо шире, чем представляется

¹ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. С. 66.

даже критически мыслящему общественнику. Без весомого личного вклада в распознавание и утверждение справедливости та превращается в абстракцию, в отвеченный свод правил и рецептов, столь же гнетуще действующий на человека, как и откровенная несправедливость.

Справедливости и несправедливости не может быть поровну, но они способны слиться до неразличимости, а фактически — до поглощения позитива негативом. Формализация позитива неуклонно ведет к его умалению. Закон должен подстраиваться под справедливость, не наоборот. Закон есть правило, отклонение от которого ведет к беззаконию. Справедливость есть правило, отклонение от которого может вести как к несправедливости, так и к содержательно окрепшей справедливости. Законность и незаконность могут быть удостоверены и дифференцированы при помощи технических средств. Справедливость и несправедливость посредством приборов не разграничить. Как не разграничить инструментально произвол и активное воспрепятствование ему. Справедливость с человеческим лицом невозможна без удачи, без здоровой иррациональности, которая спасает сегодня людей от редукции к машиноподобным болванчикам. Справедливость не выразима сколько-нибудь полно в количественных, статистических показателях. Экспликация несправедливости в цифрах, напротив, зачастую вполне адекватна (за соответствующим ощущением дело не встанет).

Как уже подчеркивалось, устранение несправедливости автоматически не устанавливает в обществе справедливость, а переводит человека в область неопределенности (социальной недостаточности), требующей для утверждения и защиты справедливости немалых экзистенциальных усилий от каждого. Чем меньше социальной несправедливости, тем шире полоса неопределенности и тем значимее личностные решения и поступки. Чем больше социальной справедливости, тем сильнее соблазн сузить полосу неопределенности и снизить уровень личной ответственности за все происходящее. Расплата приходит незамедлительно: неопределенность действительно сокращается... но за счет появления новых форм несправедливости и возвращения некоторых старых.

Показательна ситуация с распадом Советского Союза (на его защиту в 1991 году вышли считанные единицы) и реставрацией капитализма на некогда союзном пространстве. Кратко сравним в асимметричном ракурсе справедливости/несправедливости советскую и постсоветскую Россию. Результат не в пользу нынешнего ее состояния. Произведенная оценка нуждается, разумеется, в пояснении. Конкретнее: советское общество (периода середины 1960-х — середины 1980-х годов, о котором сам могу ответственно свидетельствовать), может, и не было более справедливым, но, с уверенностью говоря, было менее несправедливым. Вопиющих изъянов было существенно меньше. В постсоветский же период одна пенсионная «реформа» чего стоит¹.

Поражение социализма (временное, по крайней мере) — это поражение лично пассивной социальной справедливости. Победа капитализма (опять же временная, надо думать, или, если не повезет, окончательная и пиррова) вызвана в определенном смысле тем, что в матрице товарно-денежных отношений индивидуальная активность, априори востребованная, фигурирует в роли социального стандарта. Это тактическое преимущество, однако в стратегическом плане зримо сходит на нет. Стандартизированная активность, становясь собственно социальной, перестает быть собственно личностной, переходит в разряд отчужденных форм деятельности, которые не только не справляются с прессингом несправедливости, но и попустительствуют ему. Надежды К. Маркса на то, что тотальная социализация способна вызволить человека из-под гнета экономического детерминизма и справедливо раскрепостить, не оправдались. Социальность, как с очевидностью обнаруживается сегодня, не столько содействует укреплению человечности, сколько дрейфует к трансгуманистическому альянсу с техносферой и, следовательно, к допущению того, что меры справедливости и несправедливости будет устанавливать и контролировать искусственный интеллект, этот гипостазированный концентрат отчужденного *ratio*.

Редукция социального к социотехническому — ни нынешняя фрагментарная, ни полная в трансгуманистической перспективе — не поколеблет устоев капитализма, лишь инструментально переоснастит его. Удручающая ситуация: ведь все козырные карты IT-цивилизации — инновационного капиталистического общества массового потребления без границ — на поверку оказываются краплеными. Все рекламируемые ее достоинства коррелятивно привязаны к количественной

1 См.: Фатенков А.Н. Пенсионная реформа и Мундиаль: гримасы капиталистической эксплуатации // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2019. С. 554—558.

квинтэссенции отношений купли-продажи: к объему и скорости обращения финансовых потоков. Но деньгами, при каком бы общественном строе они ни были заработаны, справедливость не подкрепить — они всегда, и в любых величинах (и абсолютных, и относительных), прямо или косвенно указывают на несправедливость.

Каждая несправедливость сполна себя выражает. Спектр несправедливостей необозримо широк. Со справедливостью — не так. Ни одним своим проявлением она не исчерпывает себя, при том, что сама не беспредельна. Справедливость несет в себе ограничения: и для всего иного, к чему приложима, и для себя.

Щетинина Ольга Владимировна, заместитель председателя Законодательного собрания Нижегородской области, аспирант Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Философия активного поворота в социальной политике: приоритеты технологий социального партнерства

Задачи активного поворота в социальной политике были поставлены Президентом России еще в 2000-м году и содержательно предполагают переход от патерналистской социальной политики к политике активного гражданского участия¹. Философия активного поворота опирается на результаты анализа глобального плюрализма взглядов на природу общества, социального государства² и предполагает выбор приоритетной философской парадигмы для России. Наше исследование позволяет заключить, что в противовес западным постмодернистским теоретическим подходам, представленным в работах П. Бергера³, М. Фуко⁴, Ж. Лакана⁵, Н. Лумана⁶ и др.⁷, утверждающих идеи снижения роли и значения человека как субъекта социально-политических процессов, идеи трансгуманизма и «смерти субъекта», перспективными для России являются философские исследования, утверждающие идеи фундаментальной значимости человека в качестве социального субъекта, в т.ч. в качестве субъекта социальной политики (работы С. Жижика⁸, Ю. Хабермаса⁹, В.А. Кутырева¹⁰, А.В. Дахина¹¹ и др.). В свете названных философских приоритетов и с опорой на философскую теорию деятельности профессора Л.А. Зеленова¹² открывается возможность переосмысления широкого круга вопросов роли человека в обществе, в поле социальной политики, в том числе и вопросов применения социальных технологий для задач социальной политики.

В целом речь идет, во-первых, о том, что существует запрос на технологии организации деятельности человека именно в качестве целостной личности, а не только в качестве «рабочей силы». Если технологии в промышленности нацелены на использование человека в качестве «рабочей

1 Путин В.В. Какую Россию мы строим? Послание президента РФ Федеральному собранию РФ от 8 июля 2000 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823/ (дата обращения: 30.09.2020).

2 Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (45). 2019. С. 274—278.

3 Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-пресс. 1996. 168 с.

4 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 406 с.

5 Лакан Ж. Семинары. Книга 7 (1959—1960). Этика психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 2006. 416 с.

6 Луман Н. Общество как социальная система // Луман Н. Общество общества. В 5 кн.. Кн. 1. М.: Логос, 2011. С. 15—201.

7 Музиль Р. Человек без свойств. Кн. 1. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. 39 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 427 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. 475 с.

8 Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело. 2014. 528 с.

9 Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 2001. 417 с.

10 Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя. 2015. 312 с.

11 Дахин А.В. После модерна: метафизическая альтернатива инновации и постмодерну // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / под общ. ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2017. 354 с. С. 136—139.

12 Зеленов Л.А. Философия // Зеленов Л.А. Собрание соч. в 4-х т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во О.В. Гладкова. 2006. 168 с.

силы», то в социальной сфере требуются технологии, нацеленные на комплексное, всестороннее развитие сущностных сил человека. Во-вторых, речь идет о том, что социальные технологии должны работать с большими массами людей непрерывно. Если в ситуации с промышленными технологиями человек вступает в поле их алгоритмов с момента поступления на предприятие и выходит из него в момент увольнения, то в поле алгоритмов социальной сферы человек вступает в момент рождения и выходит из них в момент смерти. В-третьих, речь идет о духовном содержании деятельности людей в социальной сфере, одним из примеров которой является богослужение в жизни верующего. Формы духовной жизни востребованы также и для человека со светским (нерелигиозным) мировоззрением. Можно заключить, что все три момента отражают критерии, которым должны соответствовать социальные технологии в социальной сфере: а) обеспечивать создание прибавочных сущностных качеств человека; б) обеспечивать непрерывный массовый охват всего населения; в) сохранять духовное содержание деятельности.

Отвечающие данным критериям социальные технологии мы определяем термином «человекоемкие»: это алгоритмы деятельности людей в социальной сфере, которые обеспечивают непрерывный массовый охват жизни всего населения, помогают людям решать задачи создания прибавочных сущностных качеств, задачи всестороннего и гармоничного развития человека, в основе которого духовное содержание деятельности и духовное служение, как религиозное, так и светское. Глубинное значение человекоемких социальных технологий состоит в том, что они предлагают человеку массовые алгоритмы жизни-и-саморазвития в качестве социального субъекта, в процессе применения которых создаются прибавочные сущностные качества человека. В этом заключается их принципиальное отличие от «безлюдных» технологий сферы индустриального материального производства.

Данный подход позволяет сформировать матрицу индикаторов социальной сферы, которые раскрывают содержание активного поворота социальной политики. Матрица указывает на элементы человекоемких технологий социальной сферы, в основе которых рассматриваются три вида механизмов социального партнерства (представительное партнерство, совещательное партнерство и партисипаторное партнерство), а, с другой стороны, рассматриваются три формы проявления субъектного начала человека (субъект-лидер, субъект — член «команды» и субъект-волонтер). Матрица позволяет целостно представить принцип, согласно которому каждая форма субъектной активности человека (гражданина) должна иметь свое проявление в каждом механизме социального партнерства, так что «на контроле» оказывается девять форматов субъектной активности человека в поле социальной политики.

Можно отметить, что механизмы партисипаторного партнерства имеют наиболее значимый потенциал для активного поворота социальной политики, поскольку предполагают, что граждане могут быть участниками любого вида деятельности, осуществляемого в социальной сфере. Переход от «патерналистской» социальной политики к политике активного поворота связан со становлением нового социального субъекта социальной политики, конкретные характеристики существенно уточнить. Уточнение сводится к тому, что это дифференцированный социальный субъект, индивидуальные формы бытия и существования которого сводятся к трем перечисленным выше проявлениям субъектного качества человека. Лидерские качества являются необходимым условием появления проектов участия человека в конкретной программе государственной социальной политики. Это касается как индивидуальных проектов участия (индивидуальное социальное предпринимательство), так и коллективных (типичны проекты, участвующие в конкурсе на получение поддержки Президентского фонда и т. п.). Качества члена команды проектов участия необходимы для практической реализации идеи партисипаторного проекта. В системе деятельности проекта носители таких качеств позволяют лидеру проекта перейти из категории «индивидуальной» в категорию «коллективной» деятельности, они являются условием формирования коллективного социального субъекта, что, в свою очередь, обеспечивает потенциал широкого социального охвата, которого в случае успеха достигает каждая конкретная разновидность деятельности. Реальный социальный охват коллективной деятельности обеспечивается благодаря подключению активности волонтеров проекта партисипаторного партнерства, которые тиражируют заданный лидером проекта алгоритм деятельности, связывают поле проектной активности с конечными бенефициарами проектной деятельности.

Система партисипаторного социального партнерства предполагает наиболее глубокую интеграцию граждан в поле активной социальной политики, а также содержит потенциал наиболее

полной реализации сущностных сил человека. Партисипаторные проекты — это и есть человеческая деятельность (самодеятельность) во всей ее целостности. От деятельности отраслевых, профессиональных институтов, работающих в социальной сфере, партисипаторные проекты отличаются в настоящее время тем, что часто реализуются гражданами по собственной инициативе, в свободное от «основной работы» время или вместо «основной работы». Актуальным примером является практика внедрения социального контракта, которая потребовала, прежде всего, нормативно-правового оформления механизма партнерства гражданина и государства.

Треушников Илья Анатольевич, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Смысл социальной политики

Тема социальной политики, вынесенная сегодня на обсуждение в ходе нашего круглого стола, без сомнения, затрагивает интересы всех и каждого и уже в силу этого выступает актуальной для всестороннего рассмотрения. На наш взгляд, не следует недооценивать значения и философско-правового обоснования социальной политики российского государства, выступающей, в свою очередь, составной частью национальной политики в целом. Философско-правовой анализ с необходимостью подводит нас к вопросу о смыслах политики. Отметим то, что анализ политической реальности на смысловом уровне ведется не очень активно. Если обратить внимание на количество работ, размещенных в Российской базе научного цитирования, то мы увидим, что количество работ, которые направлены на анализ различных аспектов только социальной политики, заметно превышает восемь тысяч. В то же самое время работы, посвященные вопросу *смысла* политической реальности, исчисляются единицами. Авторы обращают внимание на особенности понимания и соотношения «смысловых полей» политики, права, морали¹, на философские смыслы собственно политической реальности², на особенности продуцирования смыслов политического дискурса³. Мы не можем в рамках ограничений, которые определяются форматом круглого стола, анализировать относящиеся к вопросу работы, несмотря на то что они содержат интересные идеи. Для нас сейчас актуально то, что поиск смыслов политики, субъектом которой, прежде всего, выступает государство, являющееся элементом цивилизации, порождает, в свою очередь, стремление в очередной раз уточнить особенности русской цивилизационной модели.

Очевидно то, что корни этой темы обнаруживаются в глубоком прошлом.⁴ Однако дискуссия о русской цивилизации активизировалась в настоящий период времени под влиянием как политических процессов, связанных с нарастанием напряженности между основными игроками на международной арене, так и под влиянием возрастающего интереса к самобытным корням духовной культуры, противопоставляемых универсалистской западноориентированной модели. Современный период, характеризующийся возрастанием активности в сфере возрождения национальной культуры многих малых народов, ставит новые задачи и перед крупными социальными общностями, создавшими самобытные цивилизации, оказавшие и продолжающие оказывать существенное влияние на мировое развитие. На современном этапе наша страна в очередной раз оказалась в условиях серьезного давления со стороны внешних сил, что актуализировало все аспекты обеспечения цивилизационной идентификации России. Обсуждение этих вопросов ведется в научном сообществе достаточно интенсивно⁵. Следует признать то, что большинство исследователей обращают первостепенное внимание на институционализированные пролонгации человеческого бытия,

1 См.: Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права, политики, морали: проблема взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 24—33.

2 См.: Соловей И.В. Философские смыслы поля политики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ижевск, 2012.

3 См.: Согомонян В.Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 1. С. 50—76.

4 См.: Париков О.В., Треушников И.А. Проблема «Запад — Восток» в русской религиозной философии. Н. Новгород, 2002.

5 См., напр.: Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы: материалы всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. М., 2018. С. 223—244; Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России // Философские исследования и современность. М., 2020. С. 191—230.

выражающиеся, прежде всего, в социальных и политических системах. Одним из наиболее значимых элементов этих систем, конечно, выступает государственность, которая чаще всего представляется исследователями в качестве наиболее заметной манифестации национального интереса и цивилизационной определенности. Однако коль скоро цивилизация выступает социокультурным феноменом, мы должны уделить первостепенное внимание проблемам духовной культуры. Ключевой вопрос для отечественного самосознания заключается, на наш взгляд, в формировании представлений об идеальных основах собственно русской цивилизации. Утверждение цивилизационной идентичности для России в современном глобальном мире требует философского обоснования.

В современной ситуации особое значение приобретает философский фундамент, на котором должно выстраиваться обоснование идеи межэтнического и межконфессионального мира, что позволит сформировать представление о единстве русской цивилизации в общественном сознании. Концептуальные установки философии всеединства достаточно продуктивны для решения обозначенной задачи. Особенно они актуальны для такого многоединства, как Евразия. Народы России — Евразии оказываются не просто суммативной системой, объединенными лишь общей исторической судьбой, но и взаимосвязанными и даже взаимообусловленными частями целого. При этом связи между элементами многоединства опосредованы центром и потому ценность каждого равнозначна. Россия в евразийской модели предстала в качестве культурно-этнического единства, обладающего особыми самобытными качествами. Открыто проявилась тенденция к интеграции с восточными народами при сохранении достаточно четкой демаркации и неприязни по отношению к западной культуре. Особо следует подчеркнуть то, что евразийская философия истории позволяет рассматривать как гармоничный элемент русской цивилизации и восточные культуры, вовлеченные в отечественный историко-культурный контекст. Нетрудно заметить то, что не только евразийцы выступают за обоснование особого, отличного от западного пути развития России. Философское осмысление этого особого пути рассматривается как одно из генеральных направлений русской философской мысли¹. Современному российскому общественному сознанию необходимо философское обоснование интегрированной идентификации для многоконфессионального и многонационального сообщества.

Для нас сейчас важно отметить, что в центре общественной системы стоит человек с его интересами, способностями и всем духовно-культурным укладом. Так или иначе, проблема цивилизационной идентификации должна замыкаться на человеческой личности. Именно человеческая личность выступает конечной целью и социальной политики, и политики вообще. Ценность человека утверждается во многих философских системах, на современном этапе получила законодательное закрепление и преимущественно не подвергается сомнению в общественном сознании. Данное утверждение имеет чрезвычайно большое значение, но, на наш взгляд, в изолированном виде не выступает достаточным смыслообразующим основанием для социальной политики. Как отмечали в свое время и представители философии всеединства, человек не является ни центром реальности, ни изолированным ее элементом². Человеческая личность включена в систему общественных отношений, выступая как ее продуктом, так и основанием для той или иной социальной общности. Следовательно, смысл социальной политики не может быть ограничен исключительно поддержкой персонального интереса. Последовательная проработка данной позиции с неизбежностью приведет к утверждению индивидуалистических ценностей. Русская же философская и философско-правовая традиция, за некоторым исключением, ориентировалась на обоснование гармоничного «единства во множественности» всех элементов общественной организации. Эта идея, нашедшая свое воплощение, как мы уже отметили выше, и в философии всеединства, позволяет сформировать идеальный образ российской цивилизации и, как следствие, показать смысл национальной политики вообще и социальной политики в частности. Это в целом соответствует некой общей логике политического дискурса, ограничивающей продуцирование смыслов, которые выходят за признанные обществом конвенциональные рамки³.

1 Треушников И.А. Культурно-цивилизационная идентичность России: опыт обоснования в русской религиозно-философской традиции // Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе материалы круглого стола на VI Санкт-Петербургском культурном форуме (ноябрь, 2017). М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. 2017. С. 123—131.

2 См.: Треушников И.А. Правовые аспекты проблемы «Запад — Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 14.

3 См.: Согомонян В.Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 1. С. 58.

Таким образом, смысл социальной политики, заключающий в себе те предельные значения, которые она призвана реализовать, будет выражаться в контексте особенностей российской цивилизационной модели.

Сальников Евгений Вячеславович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

Black Lives Matter, критическая расовая теория и трансформация национальной политики современного государства

Вопросы расовой и национальной политики являются значимыми элементами социальной политики государства на современном этапе. При этом значительная неопределенность концептов этноса, а в еще большей мере расы порождает множество сложных вопросов в теоретическом осмыслении и практической реализации социальной политики в данном аспекте. Историческая и этническая специфика российского государства принижает в массовом сознании граждан значимость вопросов расового характера, что ведет к упрощению проблемы противодействия расизму и упрощенному пониманию ряда политических процессов, происходящих в наши дни. Здесь речь идет прежде всего о протестных акциях различного масштаба и интенсивности вплоть до открытого неповиновения, столкновения с силами правопорядка и создания автономных зон, осуществляемых в 2020 году на территории США, а также ряда других стран сторонниками движения против расизма, объединенных лозунгом Black Lives Matter — BLM. Не редкостью становятся интерпретации данных актов как проявлений вандалистского насилия, стихийного либертарного или откровенно корыстного насилия, за которым не стоит какой-либо значительной теоретической основы. Подобная позиция не соответствует действительности. Расовый протест и в целом движение BLM не стихийное порождение или психосоциальная аномалия, за ним стоит определенная теоретико-идеологическая основа.

Протестные акции 2020 года показали значительную остроту межрасового конфликта, происхождение и сущность которого не могут быть объяснены классическим положением, согласно которому противодействие расизму имеет своей целью борьбу с явным нарушением прав человека и гражданина по признаку расы в части предоставления неких благ, ограничения социального положения, оскорбления человеческого достоинства и т. п. Признавая правоту данного подхода, следует отметить, что в особенности в России, а также и в большинстве развитых стран подобные явные формы расизма встречаются крайне редко, а борьба с их проявлениями не вызывает неприятия, широко поддерживается обществом и достаточно успешно реализуется властями.

Движущие истоки современных практик расизма и борьбы с ним раскрываются в рамках не классической, а критической расовой теории (Critical Race Theory — CRT). Она формируется в среде социально активной части научного сообщества США 1960-х годов. К числу основополагающих принципов CRT следует отнести идеи Ч. Харриса¹, рассматривавшего принадлежность к белой расе в ракурсе вопроса о собственности. Согласно его позиции, принадлежность к белой расе, изначально сформировавшаяся в американском обществе как расовая характеристика, постепенно развилась в форму собственности и ценного блага, что в последствии получило правовую защиту. М. Дайсон² развивает эту идею, формируя основу для более глубокого понимания принадлежности к белой расе как собственности путем актуализации положения, согласно которому принадлежность к белой расе является не только фактором идентификации, но одновременно идеологией и устойчивой формой социального поведения. Так же как и Харрис, Дайсон понимал, что правовые и социальные конструкции, основанные на принадлежности к белой расе и идеологии расовой иерархии, глубоко связаны с угнетением и притеснением чернокожего населения белыми. Фигин³ утверждал, что расовые притеснения на протяжении всей истории США явились основополага-

1 Harris C.I. Whiteness as property // Harvard Law Review. 1993. Pp. 1707—1791.

2 Chennault R.E. Giving Whiteness a Black eye: An interview with Michael Eric Dyson. In J.L. Kincheloe, S.R. Steinberg, N. M. Rodriguez, & R. E. Chennault (Eds.). White reign: Deploying Whiteness in America. St. Martin's Press. 1998. Pp. 299—328.

3 Feagin J.R. Systemic racism: A theory of oppression. Routledge, 2006.

ющими для развития американского общества и ненадлежащего обращения со всеми группами людей, которые были расово зафиксированы в качестве не-Белых.

Опираясь на положение о принадлежности к белой расе как факторе идентичности, Дайсон высказал идею о том, что принадлежность к белой расе как идеология означает систематическую репродукцию концепции белой расы как властвующего, доминирующего субъекта. Первоочередным образом Дайсон указывал на то, что американское общество основано на мифе, что белая раса доминирует и создает порядок, каковое положение стало основой для интеллектуального и культурного обоснования порядка и принципов общества. Обладая властью, представители белой расы внедрили культурные обычаи, политические практики, религиозные верования, стратегии интеллектуальной деятельности и так далее вплоть до социального организма в качестве фундамента американской демократии. Эти ценности, отношения, верования, обычаи и практики оказались скрытыми и не отмечались настолько долго, что представители белой расы получили оптимальные условия для утверждения собственного общественного статуса. Сложившиеся социальные условия определялись как нормальные, выступая неким золотым стандартом, тогда как принадлежность к другой расе и идеологии считались отклонением и неестественным поведением.

Исследования Дайсона в области институционального влияния представителей белой расы привели к идее распространенности институционального давления со стороны белой расы скрытого в большом количестве социальных институтов и организаций. Фигин предложил концепцию рамок белой расы, которую он описал как «сформированный набор расово окрашенных идей, стереотипов, эмоций и склонностей к дискриминации»¹. Внутри институциональных рамок белой расы выделяются два возможных инварианта: против-Других и за-Белых. В первом типе расовые рамки задают образ Другого как второсортного, бесчеловечного и нуждающегося в приобщении к цивилизации. Тогда как в варианте за-Белых создается образ, в котором центральный акцент делается на «позитивном образе белого большинства, целомудрии, моральных качествах»². Рамки такого рода тяжело вычленишь в силу глубокой интегрированности в социальную среду, но именно они задают основу для представления белой расы как идентификационной модели, идеологии и формы социального поведения.

Именно идеи CRT и легли в основу феномена Black Lives Matter — BLM, которое предстает социальным движением, состоящим из множества социальных объединений и групп. Несмотря на то, что оно возникло как реакция на конкретные факты — причинения смерти при задержании Т. Мартина (2012), М. Брауна (2014), Д. Флойда (2020) и ряда других представителей негроидной расы в различных штатах США, BLM имеет своей целью прекращение расовых притеснений по отношению к чернокожему населению США. Движение не ограничивает себя только защитой прав чернокожего населения, выступая в поддержку борьбы с любыми формами расизма, включая и поддержку прав ЛГБТ-сообщества. BLM активно использует различные формы общественного протеста, включающие в себя марши, сидячие забастовки, коленопреклонение во время исполнения национального гимна. Сообщество активно проявило себя в протестных акциях во время инаугурации президента Трампа. Получивший широкую распространенность слоган сторонников движения: «Я не могу дышать» выражает приверженность членству в BLM одновременно с требованием справедливого правосудия. До событий 2020 года центр социальной активности движения находился в спортивной среде американской Национальной футбольной лиги, однако после смерти Д. Флойда публичные протестные акции в их крайних формах приняли широкий размах, распространившись далеко за пределы собственно США.

Реконструкция положений CRT и ее воплощения в практической протестной, в том числе и противоправной деятельности BLM имеет большое значение как фактор, с которым следует образовываться при построении политики не только расовой, но и национальной. Нет сомнения в том, что идеи трансформации господствующей расовой группы могут быть преобразованы в доминанту этнического или национального характера, аналогичным образом имплементирующую свою этничность как собственность и идеологию в многообразии социальных институтов, гарантируя за собой привилегированное положение. Идеи критической расовой теории легко могут быть адаптированы применительно к вопросам этничности или национальности, а при отсутствии должного внимания к концептуальным вопросам, поднимаемым данной теорией стать фактором дестабилизации не только расового, но и межнационального и межэтнического согласия.

1 Feagin J.R. Systemic racism: A theory of oppression. Routledge, 2006. P. 25.

2 Feagin J.R. The White racial frame: Centuries of racial framing and counter-framing (2nd ed.). Routledge, 2013. P. 10.

Рувинский Роман Зиновьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Право и справедливость в эпоху системы социального кредита¹

I. С древнейших времен принятие справедливого решения в том или ином вопросе и установление справедливых порядков было уделом людей, опиравшихся на соответствующие времени и культурным традициям конвенциональные представления о должном и правильном².

Сегодня, в век стремительного развития технологий Четвертой промышленной революции (или шестого технологического уклада)³, мы, возможно, стоим на пороге грандиозного сдвига в наших представлениях о регулировании человеческого поведения и справедливом общественном устройстве. Социальные интернет-сети, облачные сервисы и платформы моментального обмена информацией, технологии искусственного интеллекта, алгоритмической обработки больших массивов данных (Big Data) и распознавания лиц — все это уже сейчас меняет не только нашу повседневную жизнь, но также видоизменяет и механизмы управления общественными процессами, систему регулирования поведения субъектов.

Одним из наиболее впечатляющих проектов, способных кардинальным образом трансформировать существующие модели публичной власти, социального регулирования и контроля, является внедряемая в последние годы в Китайской Народной Республике Система социального кредита (社會信用體系/*shehui xinyong tixi*, далее — ССК).

II. Что представляет собой ССК? Впервые в непосредственно-конкретной форме цель создания ССК была провозглашена в заключении Канцелярии Государственного совета КНР от 23 марта 2007 года № 17⁴. Изначально, как видно из данного документа, китайские власти руководствовались преимущественно экономическими соображениями: потребностью борьбы с неуплатой долгов по налоговому и кредитным обязательствам, мошенническими схемами в бизнесе, производством и продажей товаров, не отвечающих стандартам качества. Со временем, однако, акцент был перенесен с финансово-экономической составляющей проекта на его более широкое применение. ССК стала рассматриваться как инструмент поддержания общественного порядка, контроля за гражданами и организациями, как средство повышения доверия к госаппарату (посредством усиления контроля за исполнением судебных решений и борьбы с коррупционным поведением госслужащих)⁵.

ССК — это масштабный, долгосрочный проект, рассчитанный на дальнюю перспективу. Его основными компонентами на сегодняшний день являются:

а) ведущиеся различными ведомствами «*черные списки*» недобросовестных (или «подрывающих доверие», если использовать терминологию китайских нормативных актов) лиц и «*красные списки*» образцовых граждан и организаций;

б) *национальная платформа обмена кредитной информацией*⁶ — информационный скелет ССК, головная база данных, аккумулирующая информацию из баз данных различных центральных и местных госорганов КНР⁷, в том числе из «черных» и «красных» списков;

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173.

² См.: Хеффе О. Справедливость: Философское введение / пер. с нем. О.В. Кильдюшова под ред. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2007.

³ См. об этом, напр.: Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014.

⁴ 国务院办公厅关于社会信用体系建设的若干意见 [Некоторые заключения Канцелярии Государственного Совета КНР относительно построения системы социального кредита]. URL: http://www.gov.cn/zwqk/2007-04/02/content_569314.htm (дата обращения: 05.11.2020).

⁵ 国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要 (2014—2020) 的通知 [Уведомление Государственного Совета относительно издания Плана построения системы социального кредита (2014—2020 гг.)]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 05.11.2020).

⁶ Документом, предусматривающим создание национальной платформы обмена кредитной информацией, а также платформ обмена кредитной информацией в провинциях КНР, является 国务院关于建立完善守信联合激励和失信联合惩戒制度加快推进社会诚信建设的指导意见 国发〔2016〕33号 2016年05月30日 [Руководящие заключения Государственного Совета относительно создания и усовершенствования системы объединенных стимулов за сохранение верности и объединенных наказаний за утрату доверия, а также ускорения развития социального кредита, № 33, 30 мая 2016 г.]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-06/12/content_5081222.htm (дата обращения: 05.11.2020).

⁷ Blomberg M. The Social Credit System and China's Rule of Law // Mapping China Journal. 2018. No. 2. P. 89.

в) система объединенных наказаний для «утративших доверие» лиц, предполагающая применение совместных, согласованных дисциплинарных мер в отношении попавших в «черные списки» субъектов множеством ведомств на основе заключенных между ними меморандумов о взаимопонимании;

г) публичные пилотные проекты балльного рейтингования субъектов, реализуемые в отдельных городах местными властями;

д) частные пилотные проекты балльного рейтингования, ведущиеся несколькими крупными китайскими корпорациями и представляющие собой расширенные программы клиентской лояльности (не предусматривают негативных дисциплинарных мер);

е) системы финансового скоринга, используемые финансово-кредитными учреждениями для оценки клиентов, связанные также с национальной платформой обмена кредитной информацией.

III. Хотя, по наблюдениям отдельных западных исследователей¹, в настоящее время механизмы ССК в значительной степени опираются на достаточно устаревшие технологии учета, а решения о принятии дисциплинарных или поощрительных мер в отношении субъектов по-прежнему выносятся в ручном режиме, чиновниками-людьми, ближайшая перспектива развития ССК состоит в автоматизации и алгоритмизации составляющих ее элементов и процедур. Об этом свидетельствует тот образ ССК, который рисуют и обсуждают ученые в самом Китае. Как следует из статьи Юй Циньсуна (虞青松), сотрудника Школы права Юго-Восточного университета в Нанкине, одной из ключевых задач ССК является преобразование субъекта права в «цифровую личность», делающее возможным управление социальными процессами с помощью компьютерных алгоритмов². По-видимому, долгосрочная задача разработки и апробации социально-кредитных механизмов, основывающихся в конечном счете на обработке данных и управлении рисками, состоит в том, чтобы сделать отправление административных и юрисдикционных функций автоматизированным, свести к минимуму людское вмешательство, а следовательно, и неизбежный в обычной ситуации элемент произвола. О том, что алгоритмизация вынесения решений, имеющих юридическое значение, возможна, свидетельствует опыт работы интернет-суда в городе Ханчжоу, где технологии блокчейн и искусственного интеллекта уже применяются в содействии профессиональным судьям³.

IV. Еще одной примечательной особенностью ССК является попытка соединить с ее помощью правовые и морально-этические нормы путем инкорпорации моральных норм в правовые формы, то есть на основе юридико-позитивистской системы нового типа. По словам китайского юриста Синь Дая (Xin Dai), посредством ССК власти КНР пытаются стимулировать надлежащее исполнение правовых и иных социальных норм, в последние годы нарушавшихся наиболее часто⁴. Таким образом, мы видим постепенное распространение государственного контроля на те сферы, которые до сих пор находились за рамками правового регулирования. Примеры, подтверждающее развитие системы регулирования в данном направлении, есть уже сейчас: так, в городе Цинчжэнь китайской провинции Гуйчжоу с 2010 года действует пилотный проект «Честные фермеры», направленный на поощрение «гармонии в семье», «добрососедских отношений» и «прилежного отношения к труду»; проект, реализуемый с 2010 года в городском округе Суйнин провинции Сычуань, предполагает учет заботы о старших при начислении гражданину социального рейтинга⁵.

V. Самое время задаться вопросами: какое влияние ССК и подобные ей механизмы способны оказать на наше понимание справедливости? не меняется ли наше место в правовом регулировании? по-прежнему ли мы, люди, остаемся основными акторами этого процесса?

1 Shaefer K., Yin E. et al. Understanding China's Social Credit System // Trivium China. 2019. URL: <http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

2 虞青松 [Циньсун Ю.]. 算法行政：社会信用体系治理范式及其法治化 [Алгоритмическое администрирование: управленческая парадигма системы социального кредита и легализующие ее нормативные документы] // 法学论坛 2020年第2期 [Правовой форум. 2020. № 2]. URL: <http://fzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm> (дата обращения: 05.11.2020).

3 Sung H.-Ch. Can Online Courts Promote Access to Justice? A Case Study of the Internet Courts in China // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 39. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2020.105461> (дата обращения: 05.11.2020).

4 Dai X. Enforcing Law and Norms for Good Citizens: One View of China's Social Credit System Project // Development. 2020. Vol. 63. P. 41.

5 Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control // SSRN Electronic Journal. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3175792> (дата обращения: 05.11.2020).

Прежде всего, необходимо признать, что механизмы социального регулирования и контроля, основанные на использовании продвинутых технологий и внедряемые в настоящее время, непосредственным образом затрагивают как институциональную, так и процессуальную справедливость. С одной стороны, использование алгоритмов анализа ранее сформированных социально-кредитных данных о субъекте представляется достаточно привлекательным ввиду ожидаемой в таком случае минимизации человеческого фактора, уменьшения произвола при принятии правоприменительных решений. В пользу ССК и иных проектов по оценке и грейдированию поведения субъектов говорит, вроде бы, и то, что такие системы позволяют воздать каждому по его заслугам: законопослушные граждане и добросовестные компании получают лишь преимущества, тогда как нарушители и нечистые на руку лица, попав в «черные списки», предаются остракизму практически во всех сферах общественной жизни. Еще один плюс ССК-подобных механизмов заключается в том, что эти механизмы позволяют осуществлять надзор отнюдь не только за рядовыми гражданами и юридическими лицами — объектами их внимания становятся сами государственные служащие.

Это основные достоинства происходящих изменений. Хотя проекты, выступающие проводниками новой, *технологической нормативности*¹ и нового, *стохастического* (т. е. основанного на вероятностных моделях) *управления*², претендуют на то, чтобы исключить риск чиновничьего произвола, они — по крайней мере, на нынешней ступени своего развития — могут становиться источниками многочисленных правоприменительных ошибок, связанных с их некорректной настройкой, недостаточностью информации или сбоями в работе самих алгоритмов. Характерным примером таких ошибок является история жительницы Южно-Сахалинска Светланы Лепассон: 13 апреля 2020 года суд оштрафовал³ ее по части 2 статьи 6.3 КоАП РФ за нарушение условий карантина, используя в качестве единственного доказательства ее вины фотоматериалы из системы видеонаблюдения «Безопасный город», в автоматическом режиме идентифицировавшей некоего прохожего как г-жу Лепассон (в июне 2020 г. постановление Южно-Сахалинского городского суда было отменено⁴).

Серьезную тревогу вызывает и закрытость автоматизированных процедур рейтингования и юридической квалификации поведения субъектов. Никто не знает, по каким принципам работают алгоритмы искусственного интеллекта, и этого порой не знают даже их разработчики. Кстати, процедурная закрытость отмечается⁵ и у механизмов ССК, относящейся к *частично* автоматизированным системам.

ССК и подобные ей проекты небезупречны с криминологической, уголовно-процессуальной и административно-деликтной точек зрения. Проступок оступившегося однажды индивида создает о нем «нехорошую» запись, отражающуюся в его «социально-кредитной истории» и впоследствии способной создать ему проблемы в областях, далеких от той, в которой было допущено нарушение. Появляется категория людей, виноватых без вины, обязанных доказывать свою невиновность, пригодность, добропорядочность там, где до сих пор действовали презумпции невиновности и добросовестности. Все это, мягко говоря, не вписывается в общечеловеческие представления о справедливости, в ту многовековую историю справедливости, какой мы ее знаем. Но все это, впрочем, формирует новые представления о справедливости — представления, в которых человеческая честь и добродетель вытеснены ритуалом и формальным следованием позитивным *этико-юридическим* предписаниям.

1 См.: Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: More (and Less) than Twin Sisters // *Techné: Research in Philosophy and Technology*. No. 12 (3). P. 169.

2 См.: Sanders C.B., Sheptycki J. Policing, crime and 'big data': towards a critique of moral economy of stochastic governance // *Crime, Law and Social Change*. 2017. Vol. 68. No. 1—2. P. 1—15.

3 Решение по административному делу // Южно-Сахалинский городской суд Сахалинской области. URL: https://u-sahalinsky-sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42132908&delo_id=1500001&new=&text_number=1 (дата обращения: 05.11.2020).

4 Дело № 5-385/2020 // Южно-Сахалинский городской суд Сахалинской области. URL: https://u-sahalinsky-sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=49050533&case_uid=b541ad54-75e8-479f-88bb-927859fe63cc&delo_id=1500001 (дата обращения: 05.11.2020).

5 Shafer K., Yin E. et al. Understanding China's Social Credit System // *Trivium China*. 2019. URL: <http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf>

Ивашевский Станислав Леонидович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Образованность и достоинство человека в современной социальной политике

Важнейшим направлением деятельности социального государства является обеспечение достойной жизни каждого его гражданина. Эта установка нашла свое закрепление и в Основном законе нашей страны¹. Понятие «достойная жизнь» предполагает наличие достоинства личности, а социальная направленность политики государства — его правовую поддержку. И если история философской мысли фиксирует достоинство как константу ценностного мира человека², а Конституция РФ закрепила право каждого гражданина на достоинство («Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»³), то проблемное поле человеческого достоинства перемещается полностью в его содержательные границы. Признав достоинство неотъемлемым свойством человека и политику государства направленной на уважение достоинства каждого, мы сталкиваемся с вопросом о содержании достоинства личности, его ценностной составляющей и мировоззренческой ориентированности.

Понятие «достоинство личности» в большинстве источников трактуется как морально-этическое, предполагающее такое отношение человека к самому себе, при котором он ощущает собственную значимость, востребованность, правильность жизненного выбора и удовлетворенность от результатов своих действий. Как мораль и этика, достоинство носит исторически обусловленный характер, определяется особенностями эпохи, ее культурных приоритетов, состоянием социально-экономических отношений, политико-идеологическими процессами. Специфика господствующих в тот или иной исторический момент взглядов на достоинство личности во многом определяется характером общественных отношений, системой принятых социальных ценностей, которые обуславливают отношения общества и личности.

В период господства религиозного мировоззрения достоинство человека соизмерялось с его духовным совершенствованием на пути к соединению с Абсолютом. Система ценностных координат определяла необходимость постоянной работы человека над собой для преодоления несовершенства собственной природы и приобщения к божественному. Социализирующие институты направляли человека на путь духовного обновления посредством укрепления истиной, данной свыше. Достойный человек в этот период — человек, ведущий постоянную духовную работу, прилагодивший все свои нравственные силы для соответствия религиозным идеалам.

Идеология советского этапа нашей истории связывала достоинство личности с его пониманием и стремлением соответствовать классовым интересам «прогрессивной» части человечества. Как писал советский педагог А.С. Макаренко, определяя задачи пролетарского воспитания подростка: «Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря, — он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом»⁴. Коммунистическая идеология и классовая мораль задавали систему жизненных координат советскому человеку, ориентировали его в ценностном пространстве, направляя на путь создания нового, счастливого общества. В борьбе за общее благо и формировалось достоинство человека как труженика, творца коммунистического будущего.

Характерный для современности научный вектор социального развития, предполагающий деидеологизацию и секуляризацию проблемы человеческого достоинства, актуализирует ее раскрытие через осознание каждой личностью своей духовной, культурной и социальной ценности. Но предоставив возможность каждому самостоятельно определять жизненные смыслы и ценности, а также соответствующие им требования к себе, к своим поступкам, как достойным или нет, современное общество утратило мировоззренческое единство, общие основания морали и нравствен-

1 Конституция РФ. Глава 1. Статья 7. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 14.10.2020).

2 См., напр.: Воропаева Ю.П., Коломиец Г.Г. Этика человеческого достоинства: история и современность: монография. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2020. 243 с.

3 Конституция РФ. Глава 2. Статья 21. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 14.10.2020).

4 Макаренко А.С. Из истории коммуны имени Ф.Э. Дзержинского / Соч., т. 2. 1957. С. 397.

ности. Крушение идеалов прошлых эпох углубило разрыв поколений, лишив семью традиционных воспитательных механизмов воздействия на сознание молодежи. Родители, утратившие статус «значимого другого», чья оценка необходима для осознания достойного и недостойного, зачастую заменяются на яркий суррогат значимого, предлагаемый современной массовой культурой. В итоге формируется хаотичная совокупность «моралей», в пределах которых недостойные дела могут совершаться с чувством собственного достоинства и презрения к тем, кто не разделяет подобные жизненные позиции.

Огромные надежды в плане выхода из сложившегося духовного кризиса современное общество возлагает на образование. Достижение высокого уровня образования сегодня выступает в качестве программной установки социально ориентированного государства. Образованность способствует не только решению экономических задач или обеспечению безопасности, но и потенциально способна формировать благоприятный социальный климат, определяя общественно значимую систему ценностей, представлений о должном для человека, для достойной жизни.

В самом Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 43) определено, что обучающиеся обязаны уважать честь и достоинство других обучающихся и работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, не создавать препятствий для получения образования другими обучающимися.¹ Между тем достоинство не то явление, которое может быть отрегулировано нормативно-правовыми заявлениями. Оно всегда субъективно переживаемо и социально ориентировано. Достоинство есть способность человека к отождествлению с собственным миром ценностей и общностью, в которой этот мир находит свою проверку (поддержку или отрицание). При этом субъективность достоинства как самоуважения, ощущения собственной значимости может вступать в противоречие с объективными запросами одной общности и находить единство с ценностями иной общности. Как отметил Дж. Ролз, достоинство, в отличие от иллюзий самомнения, основывается на том, что человек обладает рациональным и реалистичным жизненным планом, уверен в собственных способностях и понимает, что его личность и его дела одобряются («по достоинству оценены») уважаемыми им людьми². Таким образом, достоинство личности содержательно определяется системой культурных координат, избранных человеком и обществом. Если в этой системе признается ценность образованности, то достойно себя человек будет ощущать в условиях наличия возможности получения высокого уровня образования, общественного запроса на его образованность, возможности реализовать свой образовательный потенциал и получить одобрение окружающих людей.

Между тем, согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения (2019 г.), россиян, уверенных в том, что высшее образование сопутствует успешной карьере и облегчает достижение жизненных целей, стало заметно меньше (76% в 2008 г. и 58% в 2019 г.). При этом растет количество наших сограждан, сомневающих в необходимости высшего образования как обязательного условия удачной карьеры (45% в 2008 г. и 68% в 2019 г.), а также убежденных в том, что образование не определяет материальное благополучие человека (47% в 1991 г. и 70% в 2019 г.).³ При таком положении дел более чем сомнительным видится позитивный потенциал образованности как условия обеспечения достоинства личности. Скорее, невостребованная образованность играет обратную роль — дестабилизирующего фактора в процессе личностной самооценки. Ощущение своей ненужности, напрасности приложенных усилий, признание ошибочности выбранного пути являются не только основаниями духовного кризиса человека, но, приобретая массовый характер, условиями дестабилизации всей системы общественных отношений. В этой связи решение вопроса о регулировании взаимодействия системы образования и реальных потребителей результатов ее деятельности становится важнейшим направлением современной социальной политики государства.

1 Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 08.12.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/03ed3d9a84d233e0791495bf8600996efca437fa/ (дата обращения: 14.10.2020).

2 Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 532 с. С. 385.

3 Высшее образование: социальный лифт или потерянное время? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-sotsialnyj-lift-ili-poteryannoe-vremya> (дата обращения: 14.10.2020).

Парилов Олег Викторович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

О защите детства и семьи как аспекте социальной политики Российского государства

Защита детей, укрепление российской семьи, безусловно, являются важнейшими задачами социальной политики нашего государства. Для законодательного обеспечения этих задач в 2020 году в Конституцию РФ была внесена поправка — появилась новая статья 67.1, пункт 4 которой посвящен государственной защите детства. Пожалуй, этот пункт вызвал наиболее острую социальную полемику: первоначальная его формулировка, в которой дети объявлялись «важнейшим достоянием Российской Федерации», возмутила общественность. Действительно, дети должны принадлежать сами себе, своим родителям, а государству — в последнюю очередь. Не корректно трактовать ребенка в качестве объекта государственной собственности. Прислушавшись к критике, законотворцы переформулировали этот пункт. Окончательная редакция закрепила приоритетный статус ребенка в государственной политике¹. Однако и в новой, «сглаженной» редакции сквозит претензия государства на обладание ребенком: государство берется создавать условия для всестороннего развития детей и воспитания в них патриотизма, гражданственности, уважения к старшим². Безусловно, — качества положительные. Однако, полагаем, как воспитывать своих детей и какие качества в них формировать должны определять, прежде всего, родители.

Бросается в глаза эклектичность нововведенной статьи 67.1: проблема защиты детства странным образом «ужилась» с темами правопреимства Российской Федерации, сохранения памяти предков, почитания памяти защитников Отечества и защиты исторической правды³. Однако статья принята в результате всеобщего голосования.

В развитие вновь введенной конституционной нормы депутатом Государственной Думы РФ П.В. Крашенинниковым и членом Совета Федерации А.А. Клишасом был внесен на рассмотрение Государственной Думы законопроект № 986679-7, предполагающий поправки в действующие Семейный и Гражданский процессуальный кодексы РФ⁴. Суть законопроекта сводится к двум основным моментам — передача вопросов изъятия детей в компетенцию суда и ускоренное рассмотрение вопроса изъятия ребенка. По словам авторов, законопроект направлен на защиту семьи и на ограничение произвола органов опеки, которые зачастую действуют как машина разрушения семьи, инициируя изъятие детей по искусственным, надуманным основаниям. Но и вынесенный на рассмотрение законопроект наводит на размышления и порождает вопросы. Первый касается сроков изъятия ребенка. Согласно законопроекту, после того, как органы опеки подали заявление в районный суд, последний обязан вынести решение в течение 24 часов. Удовлетворение заявления означает немедленное изъятие ребенка из семьи. И без того в отношении родителей действует презумпция виновности, они в невыгодном положении вынужденных оправдываться, доказывать свою родительскую состоятельность, а тут еще законопроект лишает их возможности оспорить решение суда: одни сутки — срок нереальный, чтобы справиться с шоком, найти адвоката, выстроить свою защиту и оправдаться в суде.

Еще один камень преткновения — основание, по которому запускается механизм изъятия — «угроза жизни и здоровью ребенка»⁵. Размытость понятия «угроза здоровью ребенка» может по-

1 Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 30.10.2020).

2 См.: Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 30.10.2020).

3 См.: Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 30.10.2020).

4 Законопроект № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о порядке отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/986679-7#bh_note (дата обращения: 30.10.2020).

5 Законопроект № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о порядке отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/986679-7#bh_note (дата обращения: 30.10.2020).

родить злоупотребления и произвол, так как подобные угрозы при желании можно обнаружить в чем угодно. Кому-то может показаться, что пища ребенка недостаточно калорийна, что наносит ущерб его физическому здоровью. Под вопросом оказывается любое родительское наказание за провинность, так как оно может быть также истолковано в качестве нанесения физического или психического вреда. В контексте современных либеральных тенденций, при желании, опасность для психического здоровья ребенка можно усмотреть и в подавлении его свободной воли. Но любое воспитание неизбежно сопряжено с насилием над свободной волей ребенка, по крайней мере, до тех пор, пока он не сформировался как личность, то есть не выработал качеств самостоятельности и ответственности.

Законопроект предоставляет право сторонним гражданам (родственникам, соседям) сообщать органам опеки или органам внутренних дел об угрозе жизни или здоровью детей. Несомненно, авторы законопроекта исходили из того, что податели жалобы будут руководствоваться исключительно благой целью — защитой ребенка от посягательств на его жизнь и здоровье, проявят активную гражданскую позицию. Но нельзя исключать и негативные мотивы — личная неприязнь, желание свести счеты с родителями ребенка. Заявление, согласно законопроекту, предполагается рассматривать на закрытых судебных заседаниях, то есть общество, общественные организации будут лишены возможности повлиять на участь детей, встать на сторону семьи.

Таким образом, законопроект, вопреки декларируемой защите жизни и здоровья ребенка, на деле может создать дополнительную угрозу институту семьи, законодательно закрепляя произвол силовых структур и органов опеки.

В целом же и вновь введенная конституционная норма (п. 4 ст. 67.1), и разработанный в ее развитие анализируемый законопроект преследуют цель закрепления и государственного обеспечения приоритетного статуса детей. Но сама идея расставления социальных приоритетов чревата перекосами: приоритетность одних (в данном случае — детей) неизбежно влечет ущемление других, менее приоритетных (взрослых — родителей, педагогов). Дети — гибкие, бессознательно приспособляющиеся — быстро проникаются идеей собственной приоритетности. Как следствие, возникает уродливое социальное явление, обозначенное русским богословом С. Булгаковым как «педократия» — уверенность детей в том, что им позволено все, а взрослым — ничего. Уже для современной школы данная проблема остро актуальна: педагоги утрачивают какие-либо рычаги воздействия на учеников, а те, движимые чувством безнаказанности, становятся неуправляемы. Одна из последних тенденции средней школы: учителям под страхом наказания запрещено оценивать работу учащихся младших классов. Причем запрещены не только порицающие оценки (якобы наносящие урон психике ребенка), но и поощряющие (якобы, наносящие урон психике соседа по парте — трутня). То, что подобная порочная стратегия приводит к абсолютной демотивации школьников, видимо, не очень беспокоит.

Сегодня много говорят о кризисе российской семьи. Ранжирование государством общества по социальным приоритетам, дальнейшее «совершенствование» механизмов изъятия детей вряд ли будут способствовать ее укреплению.

Денисова Любовь Владиленовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

Свобода совести как основание социальной политики

Свобода совести — право, утвержденное в эпоху Нового времени, времен буржуазных революций, одно из первых и фундаментальных прав человека. Свобода совести (*la liberte de conscience*) является одной из важнейших ценностей эпохи модернити и трактуется как свобода убеждений (не только религиозных), как право иметь убеждения и отказываться от них в силу определенных обстоятельств или духовных поисков. Религиозные убеждения — это тоже убеждения, а потому право иметь определенные верования или быть убежденным безрелигиозным человеком также относится к сфере свободы совести. В западноевропейской ментальности свобода совести стала фундаментальным основанием демократизма и либерализма. Это ее значение проявилось в контексте борьбы с монархизмом и абсолютизмом, использующими господствующие религиозные институты в качестве инструмента управления подданными.

В истории России XX век начинался с жарких дискуссий по вопросам свободы совести. Они проводились как на страницах периодической печати¹, так и в государственных органах². Правительство П.А. Столыпина уже в 1906 года подготовило семь проектов вероисповедных законов, к рассмотрению которых удалось приступить только на заседаниях Третьей Государственной думы (1907—1912 гг.). Одновременно в Министерстве внутренних дел была подготовлена справка, которая использовалась как сопроводительный материал к обсуждению. В этом документе указывалось общее и различное в содержании понятий «свобода совести» и «свобода исповедания», последнее понималось как естественное следствие первого. В период до окончания деятельности Четвертой Государственной думы (1917 г.) продолжались обсуждения различных вопросов вероисповедной политики, однако большинство из принятых в результате голосования проектов не было рассмотрено в Государственном совете, а потому и не получило юридической силы. В то же время сам опыт разгоревшихся дискуссий говорил о многом: попытки демократизировать государственный строй начинались с вопросов свободы совести. Поэтому недолго управлявшее Россией Временное правительство декларировало свою позицию как стремление к отделению церкви от государства и уравнивание в правах религиозных организаций, действующих в России.

Пришедшие к власти в октябре 1917 года большевики среди первых декретов, получивших законодательную силу, издали Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, который в последующем стал известен более как Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (1918). Смысл свободы совести стал соотноситься именно с отношением к религии и сводился к тому, чтобы вывести религию из сферы политического и закрепить в сфере частной жизни (религия — частное дело человека как гражданина). Об этом В.И. Ленин писал еще в 1905—1907 годах, требуя объявить религию частным делом по отношению к государству. Таким образом, в Советском государстве декларировалась «приватизационная модель» отношения к религии, предполагавшая понимание религиозности как личного и самостоятельного выбора. Поэтому государство принимало на себя функцию охраны подрастающего поколения от влияния «религиозного дурмана». Право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой было закреплено конституционно, однако принадлежность к религиозной организации в условиях идеологического монизма становилась препятствием в реализации других прав, связанных с государственной службой. Так, в Советском Союзе верующие испытывали значительные трудности в получении образования, поскольку в средней школе они должны были стать членами молодежных организаций (вступить в октябрята, пионеры и Комсомол), а религиозные убеждения их родителей не допускали этого. По сути, дети подвергались крайним формам дискриминации либо в школе, либо в семье, в зависимости от того, какой выбор осуществлял ребенок. В действительности такая установка в социальной политике приводила в одних случаях к внутренним конфликтам в семьях верующих, в других — выводила целые семейные группы за рамки государственного покровительства.

Конец XX столетия ознаменовался в России сменой политических ориентиров и изменением государственных институтов. В то же время принцип светскости государства не подвергается сомнению. Во всех принимавшихся в перестроечный и постперестроечный периоды законах: Закон о свободе совести (СССР, 1989), Закон о свободе вероисповедания (РСФСР, 1990), Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» свобода совести рассматривалась как принцип, определяющий светский характер государства и уравнивающий верующих в их правах. Развитие социального государства, стремящегося к сохранению культурной идентичности и национального многообразия в современной России, приводит к необходимости сочетать равенство граждан, обладающих разными национально-культурными характеристиками, и наделение их определенными привилегиями в связи с необходимостью сохранения национальной и культурной (а в ней и религиозной) идентичности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится, что «основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры»³. Анализ этого вектора развития социальной политики выявляет ряд специфических трудностей в

1 Процессы трансформации религий / под ред. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 125—127.

2 Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996.

3 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2020).

реализации принципа свободы совести. Так, С.Н. Астапов отмечает «противоречие между правовым и этнокультурным измерениями места религиозных объединений в обществе. С правовой точки зрения все религии равны, тогда как с культурно-исторической — признается особая (консолидирующая) роль отдельных религий в формировании народа, нации, государства и, как следствие, их социальный приоритет. Поэтому государственная политика ориентирована на взаимодействие с отдельными религиозными организациями в плане духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан. В России первое место среди таких организаций занимает Русская православная церковь Московского патриархата»¹.

Последовательное проведение принципа отделения религии от сферы государственной жизни сталкивается с многочисленными проблемами. Возникает вопрос, а что же происходит с трактовками свободы совести в этой новой по содержанию реальности? Сохраняет ли свои смыслы этот принцип, на который опирался весь опыт социальной политики эпохи секуляризма?

Социальная политика государства — многоаспектное явление. Здесь, наряду с обеспечением прав на труд, отдых, образование и других, важное значение приобретает вопрос безопасного существования. Проблемы безопасности тесно связаны с правоохранительными функциями государства. Соответственно, правоохранительные органы получают задачу поиска источников угроз и конфронтаций, в том числе и в сфере религиозной жизни. Так, одной из опасностей становится осуществление экстремистской деятельности, для которой, однако, не обнаруживаются универсальных критериев и маркеров. Это вызывает трудности в реализации законодательства.

В 2019 году ОБСЕ был подготовлен новый документ «Свобода религий или убеждений и безопасность. Руководство по вопросам политики»², анализируя который О.К. Шиманская приходит к выводу, что в этом документе «человеческое измерение безопасности переосмыслено с учетом новых вызовов и угроз. Одна из этих угроз — конфликт между личной, общественной, национальной и иными измерениями безопасности и правом человека на свободу религии или убеждений. Новый документ Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ направлен на осуществление политики толерантности в полисубъектной социально-политической и культурной реальности»³. Нет сомнений в том, что свобода совести в качестве свободы убеждений, права быть верующим или неверующим человеком сохранит свой потенциал как основа социальной политики демократического государства.

Собко Руслан Васильевич (иеромонах Лаврентий), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и богословия Нижегородской духовной семинарии

Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива

Наша дискуссия посвящена справедливости и социальному государству. Эти два понятия, как кажется, являются ключевыми для русской культуры. Можно даже сказать, что именно поиск справедливости и социального государства стал в какой-то степени причиной сначала Великой русской революции, а спустя время и распада Союза Советских Социалистических Республик. Социальный в переводе с латинского обозначает общественный, если же поискать это слово в религиозных текстах, то *socius* может переводиться как ближний. Такое же многозначное и многополярное слово — *communis* — общий или, если точнее, совместный. Слово настолько религиозное, что самое главное христианское таинство называется *communio*. О христианской подоплеке коммунизма размышляли как сами коммунисты, так и религиозные философы. Можно ли считать, что Союз Социалистических республик был социальным государством? Этот вопрос дискуссионный, однако, несомненно, СССР изначально был запланирован таким государством.

Более того, именно религиозный или псевдорелигиозный характер изначальной советской идеологии позволил ей привлечь на свою сторону крестьян, которые представляли собой самую боль-

1 Астапов С.Н. Религия и право в постсекулярном российском обществе // Философия права. 2016. № 5. С. 28.

2 Свобода религий или убеждений и безопасность. Руководство по вопросам политики. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/436577> (дата обращения: 17.10.2020).

3 Шиманская О.К. Сочетание свободы религии, убеждений и безопасности: новое прочтение ОБСЕ // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 112.

шую часть народонаселения бывшей Российской империи. Во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни мужчины, ни женщины, ни раба, ни свободного — то, что, собственно, предлагал жителям Российской империи социализм или коммунизм. Более того, первоначально коммунизм должен был распространиться по всему миру стихийно (подобно проповеди Евангелия) через ряд социалистических революций. Даже коммунистическое пожелание — Миру мир! — выраженное графически в виде герба, есть не что иное, как старая авраамическая идея, состоящая в том, что, если использовать исламскую терминологию, весь мир подразделяется на дар аль-харб и дар аль-ислам — землю войны и землю мира. С исчезновением «неверных» не с кем будет и воевать¹.

Однако, как оказалось, «неверные» в своих странах не спешат устраивать социалистические революции, а внутри самого Советского Союза, конечно, существуют «свобода, равенство и братство», но, как и раньше, лишь для правящего класса, пусть и класс этот теперь другой. «Эллины» и «иудеи» не очень-то хотят смешиваться в один народ, даже мужчины и женщины не стремятся расставаться с мещанскими предрассудками и буржуазной нравственностью.

И все же возникновение и развитие СССР позволило во многом смягчить, «социализировать» внутригосударственные отношения не только в нем самом, но и в Европе и даже в США. Восьмичасовой рабочий день, отпуск, всеобщая пенсия и прочее — во многом заслуга именно Советского Союза, вслед за которым и капиталистические государства были вынуждены становиться более социальными. В конце двадцатого столетия в России даже стали говорить о так называемом скандинавском «социализме». Такое смешение понятий — социализм и социальное государство — а также глобализация и другие процессы в конце концов привели к размыванию ранее однозначных понятий. Так, например, в некотором роде «социалистическими» стали капиталистические скандинавские страны и, наоборот, коммунистический Китай во многом развивается по капиталистическим принципам.

Перестал ли Китай из-за своих инноваций быть государством социалистическим? Это вопрос из области политологии и политической философии. Для нашего исследования более интересен социальный аспект. Благодаря указанным выше историческим процессам и закономерностям, вероятно, можно сказать, что требования, предъявляемые гражданами к социальному государству, более или менее одинаковы для всех стран, а степень их исполнения сейчас скорее зависит от механизмов государственного исполнения и типа экономики, а не от политического строя, то есть все государства примерно одинаково «социальны» и различаются лишь уровнем благосостояния. С осторожностью можно сказать, что восприятие степени «социальности» в России больше связано с понятием благосостояния, и сограждане во многом просто хотели бы механически перенести к нам плоды тех или иных социальных механизмов, подобно иностранному автомобилю или компьютеру, который — если есть средства — можно просто приобрести и настроить. Однако ресурсы напрямую в социальные принципы не конвертируются. Чтобы понять почему, обратимся к библейским истокам.

Размышления о социальном государстве — царстве справедливости начинаются в Ветхом Завете с момента исхода евреев из Египта. Именно тогда возникает знаменитое выражение «братья и сестры». Подобная формулировка направлена прежде всего против «рабского сознания», усвоенного евреями в Египте. С течением времени эта формулировка привела к другой — «каждый в ответе за каждого. Построение социального государства начинается в книге «Исход» с так называемых законов Моисея. Для нашей темы особенно интересны два из них — закон о юбилейном годе и запрет на ростовщичество (Исх. 22:25). Закон о юбилейном годе направлен против рабства: если некий человек за долги попал в рабство, то на седьмой год его или ее положено отпускать на свободу, а долг простить. С этим же связан и запрет на ростовщичество как на меру, усугубляющую экономическую и социальную несправедливость.

Интересно, что запрет на ростовщичество до сих пор сохраняется в иудаизме и исламе (по отношению к своим). Формально он существует и в христианском законодательстве: каноническое право говорит о том, что мирянин, занимающийся ростовщичеством, должен быть отлучен от церкви, а священник запрещен в служении. Однако уже в Средние века в Европе или ко времени Иоанна IV² в России этот запрет был фактически отменен. Сначала юридически — проценты были

1 Об этом подробнее см.: Собко Р.В. Реформация 1517 и революция 1917: проблема преемственности // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16. С. 449—457.

2 Иоанн Грозный был последним из правителей, кто запрещал «понеделный рост» и устраивал «субботние» годы — отсрочки по возврату долгов.

представлены как штраф за несвоевременный возврат внесенной суммы, а затем и формально — на христианские законы просто перестали обращать внимание¹.

Закон о ростовщичестве и временном характере рабства был призван уменьшить обнищание богоизбранного народа и социальное расслоение внутри общества Израиля. С понятием рабства и справедливости для ветхозаветного богословия было напрямую связано и понятие личности как образа Божия, требующего уважения к каждому человеку. Так, например, хозяин мог наказывать и бить раба, но если он бы выбил ему глаз или зуб, то должен отпустить его на свободу, поскольку отнесся к нему как к вещи или предмету, а не как к человеку, временно находящемуся в стесненных обстоятельствах. За подобную же несправедливую жестокость в ветхозаветных текстах наказание следует для Содомы и Гоморры (к иноземцам) и Ассирии с Вавилоном (к пленникам).

В книгах пророков можно найти актуальное по сей день описание коррупции — взятки, несправедливые суды, произвол чиновников, политический пиар священников, отсутствие социальной поддержки беднейших слоев населения. Последующее разрушение государства — прямое следствие этой коррупции.

Грядущий иудейский мессия должен был установить именно справедливое царство, лишённое вышеперечисленных недостатков. Ради этого царства должен был измениться народ, оно не приходит видимым образом, а является плодом внутреннего изменения общества — об этом и многом другом говорится в Евангелиях.

Первоначально наступление царства справедливости ожидали в пределах одного-двух поколений, однако затем справедливое государство было отодвинуто за пределы человеческой истории. Теологическую смену парадигмы можно прекрасно выразить заменой идеи античного полиса с Нового Иерусалима на Рим (второй и третий)². Крест заменил имперского орла, а помазанник Божий — божественного императора. Фактически, христианство на долгое время законсервировало феодальные отношения, узаконив рабство и догматизировав социальное расслоение.

Некоторый прогресс в социализации общества был достигнут с началом эпохи Возрождения и затем с приходом Реформации — в религиозном смысле возвращению к истокам, к несомловному евангельскому учению, о чем было упомянуто выше. На территории Российской империи подобными процессами — пусть и весьма ограниченно — условно можно считать старообрядчество и начальный этап социалистической революции. Показательно, что форму и суть старообрядческих общин своими считают как протестантские, так и израильские исследователи.

Советское государство, с одной стороны, во многом воплотило понятие справедливости в социальный идеал, но, с другой стороны, из-за внутренней глобализации и унификации фактически уничтожило те робкие ростки общинной жизни, которые в виде земств и иных форм существовали в Российской империи. В определенном смысле СССР отбросил «российское» общество в первобытно-родовой строй, когда сограждане границей своей ответственности считают свое жилище и свою семью, а за пределами этой области ответственность на себя берет Бог, государство, царь, президент или иной выразитель патернализма. Именно поэтому СССР не оставил после себя ни сильного профсоюзного движения, ни реально действующих органов местного самоуправления³.

В отношении Советского государства интересно еще рассмотреть и практически решить проблему деловой этики. ВКП(б), а затем КПСС постулировали гегемонию рабочего класса и труд как основные принципы построения справедливого общества. На подобных принципах во многом строится и протестантская этика. Протестантские же приходы (так называемые *White communities*) во многом определяют политическую повестку США. С ними во многом связан и общественный институт репутации, практически отсутствующий в современной России.

В качестве вывода к этим размышлениям можно предложить следующий тезис: понятие социального государства более или менее одинаково почти для всех современных стран и воспринимается их жителями в качестве безусловного социального ориентира. Разница в подходах укоренена именно в общинной жизни (коммунализм) — выстраивать ли справедливое общество самим и вокруг себя или требовать этого от внешних сил и ожидать, когда оно придет «видимым образом

1 Хесус У. д. С. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. М.: Социум, 2008. С. 54.

2 Собко Р.В. Идеальное земное царство в Ветхозаветный и межзаветный периоды // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2014. № 12. С. 117—129.

3 См.: Париков, О.В., Собко Р.В. Прошлое, настоящее, будущее русской общины // Философские исследования и современность. М., 2019. С. 204—208.

(Лк. 17:20)»¹. Справедливость для обывателя — размытое философское понятие, поэтому общество нуждается в практическом воспитании на основании общепринятых императивов для формирования деловой этики.

Поляков Михаил Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Философские и идеологические аспекты социального предназначения уголовного процесса

Успешная социальная политика России во многом зависит от эффективности системы законных правоохранительных инструментов, превентивно и постфактум защищающих общество от преступности. Важнейшим элементом этой системы является уголовное судопроизводство. Какие бы теоретические аргументы и идеологические доводы не приводились в противовес установке, полагающей уголовный процесс основным средством борьбы с преступностью, в какие бы мягкие словесные формулы (например, «компромисс с преступностью») не маскировали его исконную антикриминальную роль, каким бы хитроумным образом не выставляли оный покровителем и защитником преступников, — уголовный процесс не перестает быть непримиримым антагонистом преступности, сурово карающей десницей отечественного правосудия.

Именно эта роль, неотвратимо воздающая преступникам по заслугам, составляет существо подлинного социального предназначения уголовного процесса, выражающего глубинные народные мечты и надежды по общественной гармонии. Душевно-интуитивные народные чаяния, многовековая тоска по правде и справедливости вложены в уста народного киногероя Глеба Жеглова, хлестко сформулировавшего суть социального запроса в области борьбы с преступностью: «Вор должен сидеть в тюрьме».

В этой простой, но глубокой формуле закодирована не только задача органов предварительного следствия, но и возвышенное народное ощущение социального предназначения уголовного судопроизводства, вся философия и идеология народного понимания настоящего правосудия. Народ ждет от уголовного судопроизводства не просто посильных правоохранительных услуг, он жаждет антикриминальных чудес. И это не просто наивные народные притязания, навеянные душевными представлениями о неизбежном воздаянии злодеям. Это вполне предсказуемый отклик на предостережения одним членам социума и обязательства перед другими, которые некогда сформулировала сама система уголовного судопроизводства, взявшая на себя обязанность карать всех преступников и защищать каждого человека; защищать как от преступлений, так и от несправедливого судопроизводства. Тем самым государство в сфере борьбы с преступностью обязалось перед народом творить чудеса неотвратимости уголовной ответственности, причем обязалось на уровне закона. Напомним, что образ этого чуда советский уголовный процесс не стеснялся закреплять в тексте правовых норм. Часть 1 статьи 2 УПК РСФСР ставила перед уголовным процессом амбициозную задачу действовать так, чтобы «каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Государственный замах на чудо — это не только выражение государственных властных амбиций, не только назидание потенциальным преступникам, это еще и законодательное воплощение социального предназначения уголовного процесса, нормативная фиксация образа, который наиболее адекватен общественным потребностям в сфере судопроизводства во все времена. И даже в новых, далеких от чудесных обязательств формулировках назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), даже в ауре безутешной статистики приостановленных уголовных дел и пессимистической атмосфере авторитетных сожалений о том, что «существуют уголовные дела, по которым истина не будет установлена никогда»², глубинный социальный запрос относительно предназначения уголовного судопроизводства не опускается с небес на землю.

Впрочем, приземлить генерируемые социальными потребностями чудесные устремления уголовно-судопроизводства иногда пытается сама юридическая наука. Распространенный ныне деконструк-

1 Об этом отчасти см.: Собко Р.В. Социально-антропологическое измерение феномена коррупции // Коррупция как угроза развития общества и государства: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород: Белый цвет, 2020. С. 47—51.

2 См., напр.: Цветков Ю.А. Приостановить нельзя прекратить // Уголовный процесс. 2020. № 12. С. 11.

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

тивный скептицизм пытается расшатать основополагающие понятия, через которые стемится выразить себя социальное предназначение уголовного процесса; принижению и даже осмеянию подвергаются концепты истины и справедливости, на которых и выросла народная мечта о судопроизводстве.

Полагаем, что это научное направление в корне противоречит постижению сути социального предназначения уголовного судопроизводства. Современное общество в своих представлениях о справедливом уголовном правосудии нуждается не в аргументации невозможности чудес, не в эмоциональной идеологической констатации недостижимости истины и справедливости; оно заинтересовано в поиске процедурной технологии, которая бы гарантировала чудо.

Именно чудо! Социальную потребность в уголовно-процессуальном чуде отчетливо осознавал основатель Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов профессор В.Т. Томин. В его понимании сложился образ этой потребности и предчувствие того, что при определенном усилии научной мысли и практической воли возможно сотворить «первое в истории человечества юридическое чудо — уголовный процесс, который бы полностью обеспечивал неотвратимость ответственности»¹.

В русле размышлений о философских сторонах социального предназначения уголовного процесса к нам пришло понимание того, что В.Т. Томин слово «чудо» в обоснование своих тезисов призвал не случайно. Слово «чудо» в контексте осмысления социального предназначения судопроизводства — это не просто метафора, не просто риторическая хитрость; слово «чудо» — это подлинное и глубокое понимание того, чего жаждет от уголовного судопроизводства общество. В своей книге профессор В.Т. Томин даже не берет это слово в кавычки. Это слово для него своеобразный проводник в мир уголовно-процессуальной мечты. Социальное предназначение уголовного процесса в народном сознании как раз и формируется как образ мечты, как образ чудесного уголовного процесса, которому под силу обеспечить социальную справедливость по всем уголовным делам.

Представляется, что социальное предназначение уголовного процесса идеологически может быть выражено через концептуально близкие образы чуда и мечты. Их предназначение заключается в том, чтобы задавать высочайшую планку для развития уголовно-процессуальной науки и практики. Науке не нужно выдумывать фантастические цели; достаточно просто адекватно распознать социальный запрос на образ судопроизводства, отвечающий чаяниям общества. В сущностном смысле этот запрос может быть маркирован в первую очередь словом «справедливость». Именно потребность человечества в социальной справедливости и определяет образ «уголовного процесса мечты».

Сам мечтательный подход, выводимый из стихийного понимания социального предназначения уголовного судопроизводства, позволяет формировать новую идеологию и методологию познания сущности уголовного процесса. Этот подход позволяет посмотреть на историю развития процесса как на удивительную эволюцию общественных притязаний на Правду и Справедливость, притязаний наивных и возвышенных, смелых и робких, светлых и темных, рациональных и иррациональных. Эта методология поможет разглядеть парадоксальные метаморфозы, происходящие в ядре и орбите самой «идеи уголовного процесса». Без образа социального предназначения, без образа «уголовного процесса мечты» не может быть адекватной уголовно-процессуальной идеологии, в которой так нуждается современное уголовное судопроизводство.

Супрунов Александр Германович, кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе);

Васильев Вячеслав Вениаминович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России

Правовые основания охраны общественного порядка подразделениями полиции при реализации социальной политики государства

Полиция, являясь наибольшей по численности составной частью системы Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов, реализует свою правоохранительную деятельность по обеспечению охраны общественного порядка на территории России в

¹ Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 12.

рамках реализации социальной политики российского государства в строгом соответствии с требованиями законодательных и подзаконных нормативных правовых актов.

В нашем кратком исследовании вопросов, возникающих в ходе реализации сотрудниками полиции территориальных органов МВД России отдельных элементов государственной социальной политики Российской Федерации, мы намерены рассмотреть правовую регламентацию охраны полицией общественного порядка. Полагаем, что в условиях режимных ограничений, вводимых на территории Российской Федерации и ее субъектов в связи с объявленной Всемирной организацией здравоохранения пандемией по коронавирусной инфекции, закрепленная в Конституции России социальная сущность Российского государства должна реализовываться органами государственной власти в полном объеме и строгом соответствии с правовыми предписаниями.

Конституция Российской Федерации, предусматривая в своих нормах комплекс прав, свобод и законных интересов граждан России, иностранных граждан и апатридов, находящихся на территории Российской Федерации, оговаривает обязанность государства в лице органов государственной власти гарантировать и в полном объеме обеспечивать данные права. Основным законом страны в статье 10 оговаривает, что государственная власть в России подразделяется на законодательную, исполнительную и судебную.

В марте 2004 года Президент РФ своим указом определяет систему и структуру государственных органов, относящихся к федеральным органам исполнительной власти¹. Исходя из содержания данного нормативного документа, в систему федеральных органов исполнительной власти значимым элементом, разрабатывающим и реализующим государственную политику Российской Федерации в установленной сфере деятельности. Структура федеральных органов исполнительной власти с 2004 года неоднократно подвергалась трансформации. В настоящее время структура федеральных государственных исполнительных органов утверждена Указом Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти»². В соответствии с данным нормативным актом Министерство внутренних дел России является федеральным органом исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет непосредственно Президент Российской Федерации.

Исходя из смысла диспозиции статьи 13 Положения о Министерстве внутренних дел России, утвержденного указом Президента РФ³, система МВД России централизована и в качестве важнейшего и самого большого по штатной численности и объему полномочий элемента включает полицию. Системообразующим элементом правовой основы деятельности полиции в свою очередь выступает Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»⁴ (далее — ФЗ «О полиции»), который в 2011 году пришел на смену Закону РФ от 18 апреля 1991 года № 1026-1 «О милиции»⁵. Статья 1 данного Закона содержала в себе законодательную дефиницию понятия милиции. Действующий ФЗ «О полиции» не содержит в своих нормах терминологической трактовки понятия полиции. Мы можем его сформулировать исходя из смысла диспозиций части 1, 2 статьи 4 данного законодательного акта — полиция представляет собой элемент единой централизованной системы МВД России. В состав полиции могут входить подразделения, организации и службы, специально создаваемые для исполнения возлагаемых государством на полицию обязанностей.

Рассуждая об участии полиции в реализации на территории Российской Федерации государственной социальной политики, следует указать, что правовой основой для этого является содержание части 1 статьи 1 ФЗ «О полиции», определяющее, что первоочередным предназначением деятельности полиции выступает защита таких социальных категорий, как жизнь, здоровье всех физических на территории России, их социальных благ в форме конституционных прав и свобод, а также общественного порядка. Отечественный законодатель относит в пункте 6 части 1 статьи 2 ФЗ «О полиции» обеспечение охраны правопорядка к числу основных направлений деятельности полиции.

1 О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11, ст. 945.

2 О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4, ст. 346.

3 Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 // Собрании законодательства РФ от 26 декабря 2016 г. № 52, ч. V, ст. 7614.

4 Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

5 Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16, ст. 503.

Несмотря на то что термин «общественный порядок» многократно встречается в нормах как законодательных, так и подзаконных нормативных правовых актов, прямой законодательной трактовки данного понятия нет. В Федеральном законе от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» в пункте 1 части 1 статьи 2 нам встречается понятие «участие граждан в охране общественного порядка»¹. Анализ данной дефиниции приводит нас к двум выводам. Прежде всего, участвуя в охране общественного порядка, граждане оказывают помощь полиции в исполнении ее правоохранительных функций. Кроме того, в качестве охраны общественного порядка мы можем рассматривать профессиональную деятельность полиции по защите жизни и здоровья, чести и достоинства физических лиц на территории России, всех форм собственности, интересов как социума, так и государства от тех совершаемых в общественных местах деяний, которые носят противоправный и уголовно наказуемый характер.

Значительное количество исследователей общей теории управления, конституционного, уголовного и административного права предлагали свое видение дефиниций «общественный порядок» и «охрана общественного порядка»².

Продолжая рассмотрение правовых основ охраны общественного порядка, осуществляемой подразделениями полиции при реализации ими социальной политики российского государства, необходимо учитывать один немаловажный аспект. Мы уже отмечали, что отечественный законодатель во многих законодательных актах акцентировал внимание на том, что правоохранительная деятельность по обеспечению охраны общественного порядка на территории Российской Федерации, ее субъектов, равным образом как и муниципальных образований находится среди приоритетных функций полиции, которая в свою очередь является составной частью системы и структуры МВД России. В связи с этим можно сделать вполне обоснованное предположение, что на МВД России, осуществляющее нормативно-правовое регулирование сферы внутренних дел и в пределах своих полномочий реализации социальной политики государства, должны быть возложены обязанности по нормативно-правовому обеспечению деятельности полиции в ходе охраны общественного порядка. Данные обязанности реализуются через разработку и принятие подзаконных ведомственных нормативных правовых актов МВД России, регламентирующих охрану правопорядка, обеспечение общественной безопасности сотрудниками подразделений и служб полиции.

Каждый территориальный орган МВД России осуществляет свою оперативно-служебную деятельность, включающую охрану общественного порядка и реализацию положений социальной политики государства, относящихся к ведению органов внутренних дел в соответствии с Положением о данном территориальном ОВД. Оно разрабатывается на основании Типовых положений о территориальном органе МВД России, утвержденных Президентом России и Министром внутренних дел РФ³.

В рамках краткого исследования вопроса нормативно-правовой основы охраны сотрудниками подразделений и служб полиции общественного порядка как элемента реализуемой государством социальной политики представляется затруднительным проведение полноценного анализа всех действующих нормативных актов МВД РФ, регламентирующих организацию охраны правопорядка. Остановимся лишь на отдельных из них.

Специальной службой полиции, на которую возложено непосредственное обеспечение охраны общественного порядка и реализация такой социальной функции полиции, как незамедлительное оказание помощи каждому, кто нуждается в защите полицией от противоправных и преступных посягательств, является патрульно-постовая служба полиции (ППСП). Деятельность сотрудников данной службы осуществляется в соответствии с требованиями Устава патрульно-постовой службы полиции⁴. К функциям строевых подразделений ППС относятся не только полноценная защита конституцион-

1 Собрание законодательства РФ. 2014. № 14, ст. 1536.

2 См., напр.: Веремеенко И.И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 1: Предмет и понятие. М., 1981. С. 9, Еропкин М.И. Сущность и содержание общественного порядка // Труды ВНИИ МВД СССР. М., 1984. С. 3—15, Лазарев В.В., Попов Л.Л., Розин Л.М. Правовые основы обеспечения общественного порядка. М., 1967 и др.

3 Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52, ч. V, ст. 7614; Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 5 июня 2017 г. № 355 // Официальном интернет-портале правовой информации, 13 июля 2017 г. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.11.2020).

4 Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 27.

ных прав и свобод граждан от противоправных посягательств, но и оказание помощи гражданам, которые пострадали от происшествий, правонарушений и преступлений, равно как и находящимся в беспомощном состоянии. Кроме того, функцией патрульно-постовых подразделений полиции выступает совместная деятельность с представителями российского социума по охране общественного порядка.

Несмотря на то что нормы Устава ППСП распространяют свое действие не только на сотрудников строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции, но и на сотрудников полиции, привлекаемых к охране общественного порядка, данный ведомственный нормативный документ имеет достаточно узкую специализированную направленность на правовое опосредование правоохранительной деятельности одной из многочисленных служб полиции МВД России.

К числу нормативных правовых актов МВД России, адресованных не только полиции, но и иным службам и аппаратам органов внутренних дел, принимающим участие в обеспечении общественного порядка в различного рода общественных местах, мы должны отнести соответствующее Наставление об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах¹.

Правовую основу охраны общественного порядка сотрудниками подразделений полиции при реализации ими социальной политики государства составляет значительный объем разных по своей юридической силе и значимости законодательных и подзаконных нормативных правовых актов. Все они подчинены решению правоохранительной и социальной функции российской полиции — защите общества и его представителей от противоправных посягательств, поддержанию должного уровня охраны правопорядка на всей территории Российской Федерации, создание условий для полноценной реализации Российской Федерацией своей социальной сущности, закрепленной в Основном законе страны.

Марченя Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Империя как форма бытия российской цивилизации (к вопросу о мировоззренческих императивах государственной политики в России)

Говоря о «философско-правовых основаниях социальной политики российского государства», да и в целом о глубинных мировоззренческих основаниях любых других направлений государственной политики в нашей стране, было бы методологически неверно пытаться обойти стороной корневой историософский вопрос этой темы — вопрос о цивилизационной специфике отечественной государственности, ее имперской (но подчеркнем сразу же: ни в коем случае не империалистической) исторической политико-правовой и социокультурной природе.

Сегодня исследователи справедливо отмечают: если рассматривать «в контексте современного россиеведения» всю обозримую историю России (как *де-юре* Российской империи, так *де-факто* и СССР, и Российской Федерации)², то именно имперскость была определяющей цивилизационно значимой характеристикой российской/советской/постсоветской государственности — даже тогда, когда в силу идеологических или иных конъюнктурных причин правящая элита от такой характеристики гордо либо стыдливо отрециввалась.

Союз Советских Социалистических Республик на российско-имперской, по сути, традиционной идейно-психологической основе «Третьего Рима», пусть и в ее обновленном, идеологически переформатированном качестве, преемственно продолжил исторический путь Российской империи, объединяя народы и территории извечными императивами фактически религиозной борьбы со Злом и Скверной очевидно несправедного (в марксистско-ленинско-сталинской интерпретации — капиталистического/империалистического) мироустройства и построением праведного Светлого будущего — «Нового неба и Новой земли» — для всех.

¹ Об утверждении Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах: приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 879. URL: https://сзао.мск.мвд.рф/Dlja_grazhdan/Pravovaja_pomoshh/документы/приказ-мвд-россии-от-25-ноября-2019-года (дата обращения: 09.11.2020).

² История СССР/РФ в контексте современного россиеведения / под ред. Е.И. Пивовара и А.Б. Безбородова. — М.: Проспект, 2011. — 400 с.

И хотя внутри СССР слово «империя» в качестве историософской саморефлексии применительно к периоду «построения социализма» оказалось табуированным (в результате возобладания негативных коннотаций в связи с однокоренным, но сущностно иным по смыслу словом «империализм»), то извне СССР воспринимался в основном не иначе как «Советская империя», «Красная империя» (а на закате и вовсе удостоился от противников по холодной войне эмоционально перенасыщенного ярлыка «Империя зла»).

Сразу после краха Советской империи силы, пришедшие к власти в «новой», постсоветской России, поспешили «отряхнуть прах» и заявить о полном отказе от «имперских амбиций». В определенных кругах само слово «империя» стало восприниматься как ругательное, вне всякого исторического контекста и аксиологического смысла.

Однако довольно скоро наглядные последствия реставрации худших черт капитализма в постсоциалистической и постимперской России и на всем постсоветском пространстве создают условия для ренессанса имперской идеи России и вынуждают патриотически настроенную часть политических и интеллектуальных элит ставить вопрос о восстановлении имперскости российской государственности как возвращении смысла России в истории¹.

К примеру, в главнейших вузах России стало возможным издание толстых коллективных монографий с такими говорящими сами за себя имперско-ностальгирующими или имперско-пророческими заглавиями, как: «Империя Россия»², «Россия державная»³, «Имперские предчувствия России»⁴ или проведение круглых столов на тему «Империя как форма бытия российской цивилизации» (которая и легла в название данного текста⁵).

Так или иначе, но по состоянию «на сегодня» поставленная проблема — проблема осмысления имперской сущности цивилизации «Россия» и попытки вербализации мировоззренческих императивов ее государственной политики — остается крайне осложнена концептуальной разнородностью, идеологической «заряженностью» и аксиологической неоднозначностью использования самого понятия «империя» в специальной научной литературе⁶ (не говоря уже о публицистике, беллетристике и тем более всевозможных вариантах употребления и злоупотребления этим словом в средствах массовой информации и коммуникации).

Учитывая ограничения по жанру, формату и объему настоящего текста, вынужденно прибегнем к предельной редукции: «империя» не сводима ни к нетривиальной форме политического режима, ни к какой-либо специфической форме правления, ни даже к уникально сложной форме государственно-территориального устройства. Терминологический и методологический инструментарий теории и истории государства и права, политологии, социологии и обществознания в целом (до сих пор продолжающего испытывать генерализующее влияние западоцентризма и якобы универсальных транзитологических схем Европы и США) во многом устарел и нуждается в переосмыслении и обновлении: транзит российской истории осуществляется отнюдь не по плоской евроамериканской (выдаваемой за общечеловеческую) кальке: «империя — демократия», а скорее по нелинейной отечественной траектории «империя — смута — империя». А, например, священные для Запада конституционализм⁷ или многопартийность⁸ в условиях российской имперской системы могут приобретать совершенно иное, не свойственное и не доступное западному обществознанию наполнение.

1 См., напр.: Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. 2013. № 3. С. 98—147.

2 Империя Россия. М.; Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 512 с.

3 Россия державная. М.; Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. 472 с.

4 Имперские предчувствия России. М.; Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005. 432 с.

5 См.: Российская власть как фактор исторического процесса // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 259—262. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7473>.

6 См., напр.: Бабашкин В.В. Свобода в хоре, или из двух зол... // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4. С. 628—635. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635> (дата обращения: 12.11.2020).

7 См., напр.: Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии: материалы круглого стола (в 3-х ч.) / В.Ю. Бельский [и др.] // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 4. С. 41—49; 2020. № 1. С. 44—64; 2020. № 2. С. 44—64.

8 См.: Марченя П.П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 41—52. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.05> (дата обращения: 12.11.2020).

В указанном контексте, под «Империей здесь мы предлагаем понимать не столько способ организации институтов и/или пространства, сколько способ организации сознания¹. Это особая, адекватная массовому сознанию форма единения власти и масс. Единения посредством служения императиву (императивам), консолидирующему народ (множество народов) в реальный субъект истории, участвующий в противостоянии Добра и Зла. Причастность к империи и ее императивам дает реальную возможность и государству, и обществу, и отдельному человеку внутри этого имперского/императивного единства приобщиться к смыслу всемирной истории и ее эсхатологии, подняться над проблемами и интересами «частными» и ощутить себя частью великого целого, обрести надежную, вневременную, подлинно социальную (или даже надсоциальную) духовно-нравственную опору.

В зависимости от соответствия либо, напротив, несоответствия государственной политики архетипически укорененным в массовом сознании мировоззренческим императивам, последнее и может ситуативно выступать в конкретно-историческом контексте имперской системы взаимодействия власти и общества России то «фактором социальной стабильности», то «угрозой национальной безопасности»², определяя циклы социокультурной динамики истории российской цивилизации. Точнее, угрозой могут выступать не массы и массовое сознание, а неадекватные им действия властных элит, если они осуществляются в циничном антагонизме с массовыми ценностями, приоритетными установками и ожиданиями народа.

И игнорировать этот факт при определении и проведении социальной политики (и всех прочих «политик») в России — не только теоретически грубо ошибочно, но и практически смертельно опасно (дважды за прошлый век подобная «элитарность» доводила нашу государственность до обрушения).

Медушевская Наталья Федоровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Реализация права человека на достойное существование в современной России

В XIX веке государства мало интересовались социально-политическими вопросами, акцентируясь на выполнении тех функций, которые были направлены на обеспечение безопасности, поддержание общественного порядка, охрану естественных прав человека, первое место среди которых занимало право на собственность. Личное благополучие граждан мало интересовало государственную власть, оно оставалось делом частного характера, результатом индивидуальных усилий — либеральный индивидуализм не предполагал вмешательство государства в частную жизнь субъекта. «В классическом либерализме XIX в. главными положениями становятся тезисы о личной свободе, автономии индивида и частной собственности, которые квалифицируются как ценности, способные обеспечить благосостояние, прогресс общества и достойное существование»³.

Либерализм защищает частную собственность от любых посягательств, в том числе и от посягательств государства, воспекает дух предпринимательства — *beati possidentes* (блаженны имеющие, обладающие имуществом), но одновременно оставляет в стороне вопросы о социальной защите человека, который в силу разных, порой объективных, обстоятельств не может приумножать свои личные блага, самостоятельно решать насущные жизненные проблемы.

Либерально-правовое направление возникло в России во второй половине XVIII века, приверженцы которого (С.Е. Десницкий, Д.И. Фонвизин, Я.П. Козельский и др.) видели в либеральном мировоззрении продвижение царства разума. Позже, в первой половине следующего столетия, декабристы, М.М. Сперанский с уважением воспринимали идеи конституционализма с господством

1 Подробнее см.: Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С.Р. Аблеев [и др.]. М.: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. С. 54—112.

2 Марченя П.П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М.: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. 123 с.

3 Кропанева Е.М., Москаленко М.Р. Достойное человеческое существование в российской дореволюционной историко-философской мысли // *Studia Humanitatis*. 2016. № 1. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 09.11.2020).

неотъемлемых прав личности. Но уже с середины XIX века уважительное отношение к праву сменилось отрицательным к нему отношением, возникли новые общественные цели, среди которых не последнее место занимали революционаризм и нигилизм.

Во второй половине XIX века ряд либерально настроенных ученых-юристов, философов обратили внимание на необходимость реабилитации права в условиях господства его отрицания, роста радикализма и экстремизма. В.С. Соловьев стал одним из немногих мыслителей, которые не умаляли роли права в становлении правового государства. По его мнению, в таком государстве в первую очередь должна быть обеспечена всеобщая безопасность, способная противостоять разрушительной инстинктивной деятельности людей как извне, так и внутри общественного организма. Но не только сохранение безопасности является первостепенной задачей правового государства, не менее важной становится соблюдение естественных прав человека, к которым В.С. Соловьев относит право на достойное человеческое существование. Определение этого права и требование его соблюдения в условиях России второй половины XIX века было не только своевременным, но и провидческим.

П.И. Новгородцев развил эту идею, придав ей не столько нравственный, как это было у В.С. Соловьева, сколько юридический смысл. Мыслитель не определяет достойное существование по максимуму, имея в виду полную реализацию человека в совокупности всех его духовных способностей. По сути дела, обеспечение реализации человека по максимуму — это не вопрос права. Правовой регламентации подлежат только условия, обеспечивающие человеку возможность достойного существования, способствующие сохранению его как физического, так и нравственного существа, то есть «отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни»¹.

В XIX веке в Европе и России стало очевидно, что недостаточно только формально провозглашенной свободы и ее охраны со стороны государственных структур, необходимы также предпосылки и средства для ее реализации, без которых свобода превращается в возможность, не всегда становящуюся действительностью в силу отсутствия условий для ее объективации. Государство обязано восполнить это недостающее звено, возложив на себя обязанность материального обеспечения людей, ставших жертвами неблагоприятных обстоятельств, в силу которых они не в состоянии самостоятельно встать на ноги и создать себе достойную жизнь. П.И. Новгородцев считает, что только призывов, деклараций и пожеланий со стороны государства недостаточно, нужны еще и меры правового характера, направленные на обеспечение достойного существования человека, попавшего в затруднительные обстоятельства. В статье «Право на достойное человеческое существование» ученый намечает меры, соответствующие требованиям исторического момента. В предлагаемом им проекте законодательства о рабочих он считает, во-первых, необходимым заложить право на труд, который поможет рабочему сохранить себе и членам семьи минимум достойного существования.

Во-вторых, П.И. Новгородцев предлагает обязательное введение института профессиональных союзов. Впрочем, его отношение к ним неоднозначное, поскольку они могут оказывать как позитивное, так и деструктивное воздействие на государство. Основываясь на европейском опыте профсоюзов, П.И. Новгородцев предлагает создать некие нейтральные инстанции, которые в случае необходимости и для разрешения конфликтных ситуаций смогли бы выступать посредствующими звеньями между профсоюзом и государством. В целом он отмечает большую роль профсоюзов в деле оказания помощи, в том числе и материальной, своим членам.

Во второй половине XIX века в России широко распространено благотворительное движение, участники которого жертвуют на строительство церквей, богаделен, сиротских домов, народных школ, больниц, ночлежек. Но, по мнению П.И. Новгородцева, забота о слабых и бедных должна стать обязанностью государства в целях реализации права на достойное существование и получить соответствующее юридическое оформление².

Впрочем, идеи П.И. Новгородцева с его умеренной неолиберальной платформой не оказались востребованными в России первой половины XX столетия, а идея права на достойное человеческое существование не смогла определить направления политики социального реформирования. Но сколь отвергнутыми были в то время эти идеи, столь востребованными они оказались в конце XX — начале XXI века.

1 Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Паритет, 1995. С. 321.

2 См.: Новгородцев П.И. Сочинения. — М.: Паритет, 1995. — С.325—326.

В конце XIX — начале XX века одновременно с появлением идеи права на достойное человеческое существование стала формироваться и социально-правовая политика, притом во всех развитых государствах. И если раньше поддержание законности и охрана безопасности были приоритетными функциями государства, то социальные потребности и ожидания выдвинули в число важных задач государства достижение целей, связанных с реализацией социальной политики. Абрамов П.В. отмечает, что «...теоретическая дискуссия о “праве на существование”, имевшая место в России в начале XX в., обозначила несколько принципиальных проблем будущей социально-правовой политики государства: 1) противоречие между идеей социальных прав личности и государственного социального обеспечения, с одной стороны, и классическими либеральными идеями, предполагающими свободу рыночных отношений, с другой стороны; 2) отсутствие юридически определенной конструкции права на достойное существование и, как следствие, точных критериев для выяснения оснований и объема государственной поддержки нуждающихся; 3) вторжение нравственных ценностей и норм в сферу юридического регулирования; 4) необходимость перераспределения общественных благ, вызванная высокой затратностью государственной поддержки неимущих, которая может быть компенсирована лишь за счет экономически благополучной части общества»¹.

В современной России реализация права на достойное человеческое существование составляет основу социальной политики, но на пути ее реализации имеются существенные трудности, связанные не только с бюрократизацией и криминализацией государственных структур, в частности, органов исполнительной власти и местного самоуправления, несовершенством законодательства, но и с особенностями отечественного менталитета, культурными традициями и обычаями, которые затрудняют гражданину отстаивание своего права на достойное существование.

Во-первых, россиянин традиционно недоверчиво относится ко всем ветвям государственной власти, поэтому ее решения встречаются им недоброжелательно и настороженно. Наше население как бы ищет подвох во всех решениях власти, какими бы они ни были.

Во-вторых, у населения нашей полинациональной и многоконфессиональной страны не развито чувство личного, в том числе гражданского достоинства. Неудивительно, что И.А. Ильин относил духовное достоинство человека к одной из аксиом правосознания. Россиянин не чувствует себя автономной свободной личностью, способной отстаивать свои права.

В-третьих, население нашей страны обладает очень низкой правовой культурой, что касается не только носителей обыденного правосознания, но и профессионального, а подчас и доктринального. Приходится сталкиваться с вопиющими случаями неразвитости правовой культуры не только у населения, но и у должностных лиц, государственных служащих.

В-четвертых, население России ощущает свою отчужденность от власти. Гражданское общество, которое может благодаря развитой системе каналов коммуникаций влиять на государство и его решения, формируется «сверху», что в существенной степени не способствует подконтрольности государства гражданскому обществу, возможности его беспристрастного влияния на государственную, в том числе и социальную политику.

В-пятых, для российского менталитета в сфере права присуща доминанта духовно-нравственных ценностей, ценностного мышления. Поэтому в России большей значимостью обладают не организационные цели, а соответствие этих целей справедливости, правде, соборности (коммунотарности в терминах Н.А. Бердяева), патриотизма². Русский человек с присущим ему экзистенциальным мироощущением хочет уловить глубинный смысл социальных изменений, реформирования и модернизации. Поэтому социальная политика, проводимая государственной властью в России, должна соответствовать социальным ожиданиям населения, соотноситься с его социокультурными особенностями и идеалами. Если этого не происходит, то меры, осуществляемые властью, вызовут недоверие, социальную апатию, пессимистическое отношение к будущему.

Подводя итог, следует отметить, что действенность и эффективность демократических институтов всегда связана с умением и настойчивостью населения в отстаивании своих прав. Если у населения отсутствует развитый уровень гражданской, правовой культуры, на низком уровне находится юридическое мировоззрение, он никогда не станет субъектом права, оставаясь объектом

1 Абрамов П.В. Теоретические основания социально-правовой политики // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. -Т. 7. — №5. — С. 83.

2 Медушевская Н.Ф. Особенности правовой ментальности россиян: аксиологический подход // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 89—92.

манипулирования. Борьба граждан за свои права требует активной гражданской позиции, знания законов, правовой воспитанности и высокого уровня правовой социализации. Защита своих прав должна осуществляться в цивилизованных рамках, в условиях регламентированных законом партнерских отношений с государственными структурами, которые обязаны видеть в населении не просителей, а полноправных членов общества, имеющих свои неотъемлемые права.

Горбачева Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Местное самоуправление как субъект политического пространства

Успешно прошедшая в 2020 году конституционная реформа, в ходе которой существенным образом были пересмотрены основы государственного устройства Российской Федерации в части передачи некоторых властных полномочий Президента России Государственной Думе и Совету Федерации Федерального Собрания РФ, значительно изменила сложившееся политическое пространство нашей страны. Вместе с тем, может сложиться впечатление, что эти преобразования никоим образом не повлияли на организацию и функционирование местного самоуправления, не входящего, согласно положениям Основного закона России, в систему государственной власти страны. Факт того, что ни изменения Конституции России, ни последовавший вслед за их утверждением Президентом РФ в Государственной Думе Федерального Собрания РФ законотворческий процесс имплементации инновационных конституционных положений в нормы самостоятельных федеральных законов не затронули напрямую деятельность муниципальных органов власти, никак не умаляет значимости местного самоуправления для организации политического пространства страны. В нашем кратком исследовании мы намерены проанализировать место и роль местного самоуправления в политическом пространстве России.

Прежде всего, полагаем необходимым определить, что в настоящий момент надлежит понимать под политическим пространством. В ходе рассмотрения понятия и сущностного наполнения «политического пространства» О.В. Цветкова, опираясь на труды европейских социологов, приходит к выводу, что в качестве такового надлежит рассматривать протяженность территории государства, в пределах которой осуществляется «последовательная смена политических явлений и состояний»¹. По мнению данного автора, нормальное существование политического пространства базируется на обязательности взаимодействия таких его составляющих, как политический центр и совокупность административно-территориальных единиц, обладающих той или иной степенью самостоятельности и объемом властно-распорядительных полномочий.

С точки зрения составителей Новой философской энциклопедии функционал политического пространства можно закрепить в трех составляющих:

- являет собой первооснову для всего последующего политического процесса на определенной территориальной протяженности;
- выполняет функцию цели, к достижению которой ведет политического плана деятельность государства вообще и его властных институтов в частности;
- создание, обеспечение и совершенствование надлежащей экологической среды на той или иной протяженности территории;
- обеспечение существования и совершенствования всех легальных разновидностей и форм политической активности².

Применительно к тематике нашего исследования достаточно интересными выглядят результаты изучения места муниципальных органов в политическом пространстве зарубежных стран, проведенного А.И. Савельевым. По его мнению, реальные пределы возможного осуществления политико-составляющих функций органами местного самоуправления в определенном государстве находится в прямой зависимости от той модели организации муниципальной власти, которая

1 Цветкова О.В. Политическое пространство: теоретико-методологические основы // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 204.

2 Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH014eb760ae6ca9b82a6dbd4e> (дата обращения: 09.01.2021).

задействована на протяженности территории, на которую государство распространяет свой суверенитет¹.

Россия является федеративным государством. Принцип федерализма конкретизируется в нормах Конституции РФ, закрепляющих сферы ведения России и ее субъектов. Основной закон страны закрепляет перечень вопросов, разрешение которых относится к исключительно государственной сфере, определяются границы совместного ведения государства и его субъектов, сфера полномочий государственных образований, образующих в совокупности Российскую Федерацию. Все остальные вопросы Конституция РФ относит к категории «местных органов власти». Глава 8 Основного закона так и называется «Местное самоуправление».

Несмотря на то, что местное самоуправление в России нашло свое конституционное закрепление, что само по себе уже свидетельствует о том, что оно выступает самостоятельным субъектом политического пространства страны, к сфере полномочий муниципальных органов власти принято относить сугубо утилитарные вопросы экономики, среднего образования и медицинского обеспечения. Вместе с тем, данный взгляд на «политический капитал» местного самоуправления, рассмотрение его в качестве обеспечения базового образовательного процесса, поликлиник и пр. минимум некорректен. Приведем к этому суждению свои доводы, подтверждающие самостоятельность местного самоуправления в качестве «игрока» на государственном политическом пространстве.

Основной закон страны закрепляет выборность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Для того чтобы претендент на участие в выборах главы субъекта Федерации получил возможность быть зарегистрированным в качестве кандидата на указанную должность, он должен преодолеть «муниципальный фильтр». Данный фильтр представляет собой необходимость для претендента на пост главы субъекта Российской Федерации собрать в поддержку своей кандидатуры определенное количество подписей депутатов представительных органов муниципальной власти в данном регионе. Минимальное количество необходимых подписей (от 5 до 10% от общего числа муниципальных депутатов) определяется законом субъекта Федерации. Несмотря на многочисленные критические замечания, Конституционный Суд РФ² признал такое участие представительной ветви муниципальной власти в политической жизни страны не противоречащим Конституции России.

Вопросы, находящиеся в сфере ведения органов местного самоуправления, закреплены в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³. Содержание статьи 14 данного Закона, помимо перечисления сфер ведения муниципальных властных органов, закрепляет за местным самоуправлением право на решение на местном уровне значительного объема конституционных прав и обязанностей, подтверждая субъектность муниципалитетов в политическом пространстве страны. Сюда следует отнести не только организацию и проведение плебисцита общественных слушаний по значимым на муниципальном уровне вопросам, но и, например, участие в охране общественного порядка, противодействию экстремизму, социальной нетерпимости и различным видам ксенофобии.

Ни одно политическое пространство не может нормально существовать без определенной территории и организации налогообложения. Местное самоуправление во взаимодействии с населением вправе решать вопросы изменения границ соответствующего муниципального образования. Оно самостоятельно решает вопрос установления, изменения, расходования и отмены местных налогов и сборов.

На то, что местное самоуправление является полноценным субъектом российского политического пространства, на наш взгляд, указывает законодательно закрепленная возможность наде-

1 Савельев А.И. Местное самоуправление как субъект политического пространства // Регионоведение. 2009. № 2 (67). С. 68.

2 По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24122012-n/> (дата обращения: 09.01.2021).

3 Соборание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2021).

ления муниципальных органов отдельными государственными полномочиями как России, так и ее субъектов.

В завершение нашего краткого исследования муниципальных органов власти как субъектов отечественного политического пространства мы полагаем возможным отметить следующее. Местное самоуправление, несмотря на свою многовековую историю и наличие нормативно закрепленных прав и обязанностей, в полной мере подтверждающих его субъектность в политическом пространстве России, должно пройти достаточно долгий путь по реализации этих полномочий и традиций в практической плоскости.

Лишь осознав себя полноценным «игроком» на российском политическом пространстве, сделав ставку не на государственный патернализм, а на собственные силы, местное самоуправление сможет не только «де юре», но и «де факто» стать полноценным, действенным участником российского политического пространства.

Фролова Татьяна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Патернализм в социальной политике России

Любое общество представляет собой особенный, уникальный конгломерат элементов, функционирующих во всех сферах социального бытия: экономике, деятельности политических институтов, религии, семье. Только пройдя долгий исторический путь отбора органичных для той или иной культуры социальных отношений и институтов, последние становятся традицией и определяют практически все сферы жизни социума.

Традиции являются тем механизмом, который позволяет связывать поколения, сохранять и приумножать багаж духовных и материальных ценностей. «Наличие традиций, во-первых, обеспечивает преемственность между различными этапами развития, сущность которого состоит в сохранении элементов целого или отдельных его характеристик при переходе к новому состоянию; во-вторых, создает необходимые и направленные изменения общественных отношений. При отсутствии сложившихся форм преемственности эти изменения не могут накапливаться, и поэтому процесс лишается характерной для развития единой внутренне взаимосвязанной линии»¹.

Современные социальные процессы характеризуются все большей тенденцией к глобализации, атомизации социума и разрушению сложившихся традиционных устоев. Традиции постепенно исчезают и растворяются в социальной динамике.

Является ли патернализм традицией российского общества? Безусловно. Как тип социальных взаимоотношений, он присущ любому традиционному обществу. Как архетип патернализма закреплён в сознании практически всех народов. Корни отечественной патерналистской практики уходят в далекое прошлое. Для культуры, социальных и политических процессов в истории России традиция патернализма была характерна в не меньшей, а может быть, и в большей степени. Являясь неотъемлемой чертой российского общества и будучи достаточно мобильным феноменом, патернализм видоизменялся вместе с обществом и приобретал своеобразные формы, адекватные конкретно-историческим условиям. По сути, патернализм является культурным цивилизационным маркером России².

И вековое монархическое правление, и Советский Союз с его поиском альтернативного общественного устройства и критикой западного патернализма проповедовали патерналистскую модель социальных отношений. Варьировались лишь сами проявления патернализма в зависимости от развития государства и его общественных институтов.

Культ государственной власти, ее сакрализация, вера в непогрешимость власти, вера в «доброто царя», «отца народов» или «сильную руку» являются и сегодня характерной чертой цивилизационного архетипа россиян. На ментальном уровне государство отождествляется с Отечеством,

1 Щелоков К.С. Роль традиций в жизни современного общества // Философские исследования и современность: Вып. 8. М.: ИПЛ, 2019. С. 325.

2 Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России: материалы межведомственного круглого стола / С.Р. Аблеев [и др.] // Философские исследования и современность. Вып. 9. М.: ИПЛ, 2020. С. 191—230.

которое и позаботится по-отечески, и накажет, и скажет, что делать. Проблема патерналистских отношений государства и общества не менее актуальна и в настоящее время.

Радикальные социальные и экономические трансформации российского государства и общества в последние десятилетия заставили посмотреть на проблему патернализма по-новому. Новое либеральное государство, стремясь избавиться от всего, что так или иначе напоминало о советском прошлом, постепенно дистанцировалось и от закрепленных в Конституции социальных обязательств перед своими гражданами. Государство отошло от патерналистской парадигмы не только в экономике и социальной сфере, реформируя все и вся (здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение), но и в сфере идеологической. Отказавшись от старой идеологии, новую государственную идеологическую парадигму оно так и не сформулировало. И такая политика отчасти была оправдана: в новых условиях, когда огромная часть богатств сконцентрировалась в руках частного капитала, государство уже не имело необходимых ресурсов поддерживать подобную модель¹. Да и либеральные установки были нацелены на максимальное избавление от социальных обязательств перед народом.

Общество ответило взаимностью. Часть его, особенно занятые бизнесом и молодежь, хотели от государства одного: «чтобы оно не мешало». Подобно молодым людям, вырвавшимся из-под отеческой опеки, эта часть стремилась к абсолютной свободе и независимости, привыкала рассчитывать лишь на собственные силы. Все проводимые государством реформы оценивались людьми примерно так: от государства не приходится ждать ничего хорошего.

В то же время патерналистские настроения большинства российского социума не исчезли. Значительная его часть нуждается и нуждается в гарантиях социальной защиты и помощи государства, понимаемой как его обязанность. Кроме того, патернализм в общественном сознании предполагает моральную ответственность руководящей элиты за народ.

Современные словари трактуют патернализм как систему взаимоотношений власти и граждан, при которой власть обеспечивает запросы граждан, а те, в свою очередь, дают право власти вмешиваться во все сферы жизни и устанавливать стандарт поведения, вплоть до частного.

Существующие подходы к самому феномену, при некоторых их различиях, можно свести к двум позициям. Имеются вполне аргументированные концепции, согласно которым патернализм есть тяжелое наследие прошлого, механизм подавления личности, несущий потенциальную угрозу правам и свободам человека и гражданина. Патернализм концептуально не отвечает демократическим нормам. Кроме того, патерналистская модель, изолируя гражданина от участия в государственном управлении, способствует формированию иждивенческой, пассивной жизненной позиции, а власть в этих условиях провоцируется на тоталитарный стиль правления. На смену политике «опекунства» в современном обществе должна прийти система партнерских отношений гражданина и власти.

Другая точка зрения заключается в том, что государственный патернализм предполагает безусловное выполнение обязательств государства по обеспечению прав граждан, их социальной защите. Попытки власти отойти от этих функций воспринимаются обществом как нарушение их прав. Российская Федерация, провозглашенная в Основном законе государством «социальным», не может отказаться от патерналистской парадигмы как основы социального государства. Правовыми актами предусмотрена обязанность государства в полной мере обеспечить реализацию прав и свобод граждан, гарантировать необходимую защиту.

Демократическим может быть лишь такое государство, цели и задачи которого совпадают с целями и задачами общества, а именно: формирование социальных институтов, призванных защищать гражданина, его интересы, права, свободы. Из этой общности целей государства и его граждан вытекает доверие людей к власти². Таким образом, патернализм выполняет интегративную функцию.

Каждый гражданин, в свою очередь, также должен понимать свою социальную ответственность перед обществом, брать на себя и исполнять определенные обязательства по сохранению ценностей общества, культурных традиций, соблюдению прав личности.

Совершенно понятно, что абсолютизация как патернализма, так и его антитезы являются крайними точками зрения. Возможно, есть необходимость в новом понимании этого феномена, поиска модели неопатернализма. Модели, в которой преобладает диалог между властью и гражданином,

1 Фролова Т.Н. Коррупция как социальное явление: причины и следствия // Коррупция как угроза развития общества и государства. — Н. Новгород: Белый цвет, 2020. — С. 25—30.

2 См.: Общество в постнеклассической картине мира / С.Р. Аبلеев [и др.]. Ижевск, 2019.

а не отношения «начальник — подчиненный». Где человек, самостоятельно отвечая за свою жизнь, в то же время не чувствует себя оторванным от общества. Модели, в которой основой являются духовные ценности, пронизывающие все сферы жизни общества.

Актуальным остается вопрос баланса между государственными интересами и запросами социальных групп, их правом на государственную защиту и поддержку. Поиск баланса интересов общества и государства необходим для стабильности существования и развития всех институтов. «Любая локальная цивилизация или социокультурная система сохраняет стабильность лишь при условии динамического баланса сил и интересов различных общественных групп (наций, последователей религий, политических элит, бизнес-групп, классов и т. д.). Проще говоря, нормальное общество предполагает *общественный консенсус* по основным вопросам личной, политической, культурной и экономической жизни. Нарушение такого консенсуса возможно лишь до известного предела, за которым включаются стихийные процессы нестабильности, трансформации и распада системы»¹.

Обращение к проблеме патернализма в социальной политике государства имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Устойчивые, на уровне архетипа, проявления патерналистских установок наблюдаются и в современной России. Социально-экономическая ситуация показывает, что значительная часть общества, наименее защищенная в социальном и экономическом плане, нуждается в гарантиях социальной помощи и защиты со стороны государства. И эта защита понимается не как право, а как обязанность власти.

Российское государство обязано защищать не столько абстрактные «права человека», сколько неотъемлемые права личности — на жизнь, жилье, образование, здравоохранение, труд, доступ к информации, участие в управлении, самовыражение². Это должно лежать в основе государственной социальной политики. Формулирование же стратегии развития государства, его идеологических конструктов априори невозможно без понимания ментальных основ своего народа, культурных традиций, ориентации на традиционные духовные ценности.

Матвиенко Евгений Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России

Возможно ли социальное государство в эпоху постмодерна?

Идея социальной справедливости всегда занимала лучшие умы человечества. Ее реализация связывалась с поиском оптимальной формы общественного устройства — такой, при которой все члены общества извлекали бы из факта совместной жизнедеятельности максимальные преимущества.

Для трезвых мыслителей при этом было совершенно ясно, что такое устройство не может иметь ничего общего ни с меритократией в платоновском духе, ни с радикальным эгалитаризмом, вершиной которого выступают теории Руссо и Маркса. Умеренность, необходимость некоего «среднего пути» (прекрасно осознававшаяся еще Аристотелем) привела к становлению теории, а затем и практики социального государства. Свой вклад в этот процесс внесли идеологи и политики и Старого, и Нового света, пытавшиеся найти противоядие от разрушительных революционных потрясений, прообразом которых стали события в России и на пороге которых оказалась капиталистическая система в годы Великой депрессии.

Представлялось очевидным, что и революции, и порождаемые ими тоталитарные режимы есть не что иное, как реакция широких народных масс на вопиющую несправедливость, царившую в обществе. Колоссальный разрыв в уровне жизни между массой и элитой при любом серьезном вызове (будь то военное поражение, экономический кризис, ослабление легитимности политической власти и т. п.) приводил к масштабным социальным катаклизмам. Чтобы их избежать, наиболее дальновидная часть правящей элиты находит в себе силы пойти на серьезнейшие уступки. Создаются предпосылки для поиска компромисса, а затем и широкого общественного консенсуса по наиболее насущным проблемам. И социал-демократы, и либералы возводят, по сути, одну и ту же социальную конструкцию, хотя и используют при этом различный идеологический декор.

¹ Наука и образование перед вызовами современного российского общества: материалы межведомственного круглого стола / С.Р. Аблеев [и др.]. // Философские исследования и современность: Вып. 8. М.: ИПЛ, 2019. С. 343.

² Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 1. С. 10—12.

Ее сущность — предельно упрощая — сводится к тому, что все члены общества должны трудиться на его благо, вносить свой вклад в социальную кооперацию. При этом вклад должен быть как минимум пропорционален уровню благосостояния индивида, а в идеале куда более весомое бремя ложится именно на плечи наиболее богатых и преуспевающих граждан. Этого требуют и традиционная мораль, и здравый смысл — в самом деле, именно наиболее успешные люди максимально заинтересованы в поддержании стабильности того общественного уклада, при котором их успехи стали возможными.

Практическим итогом всего вышесказанного и становится социальное государство — система, при которой государство использует свои доходы (источником которых являются, прежде всего, состоятельные граждане) в интересах всего общества (и прежде всего — в интересах граждан наименее состоятельных). Вершиной его развития стала так называемая скандинавская модель социализма. Но и за пределами Скандинавии данная система эффективно работала.

Однако, будучи порождением эпохи модерна, в эпоху постмодерна социальное государство сталкивается с серьезными вызовами, ставящими его существование (краткое по историческим меркам) под серьезную угрозу.

Вызовы эти двоякого рода, хотя в конечном счете оказываются теснейшим образом взаимосвязанными. Прежде всего, речь идет о тотальной девальвации (чтоб не сказать — разрушении) ключевых для модерна идей и ценностей. Такие понятия, как «нация», «гражданское общество», «государство», «демократия», «справедливость», «солидарность», «прогресс» и им подобные более не интересны широкой публике. Всячески подчеркивается их «историчность», «искусственный характер», относительность и условность.

Кризис идей в то же время отражает и провоцирует кризис социальных институтов и структур. Общество атомизируется, превращается в своего рода мозаику, где отдельные элементы никак не связаны друг с другом и легко образуют все новые и новые — совершенно необязательные — рисунки. Еще раз подчеркнем, что идея социального государства органично вытекает из идей общественной справедливости и солидарности. Но если «общество» — это всего лишь искусственный конструкт, а «справедливость» (та или иная) — лишь маскировка для чьих-то эгоистических интересов, то идея социального государства, по сути, «повисает в воздухе». В самом деле, с какой стати я должен помогать тем, кто лишь по воле случая оказался со мной в общем политическом пространстве и историческом времени? Тем, у кого, кроме указанной случайной общности, нет со мной ничего общего?

Классик современной философии Ю. Хабермас говорит в этой связи о ситуации нарушения «фоновое субстанционального консенсуса относительно основополагающих моральных норм» в «современном обществе мировоззренческого плюрализма»¹. В такой ситуации взаимопонимание (тем более — взаимодействие и взаимопомощь) внутри социума становятся крайне затрудненными.

Конкретные исторические условия лишь усугубляют общие глобальные тенденции. Социальное государство, конечно, еще не превратилось, используя выражение У. Бека, в «институт-зомби» (уже не живой, но еще и не совсем мертвый)². Но миграционные кризисы, эпидемия нового коронавируса, вакханалия толерантности, экономическая рецессия делают его будущее весьма проблематичным.

***Демидов Николай Николаевич**, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России;
Зуева Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России*

Общественный контроль глазами населения и сотрудников органов внутренних дел (социологический анализ)

Среди различных аспектов оптимизации деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) важнейшим направлением является совершенствование такой важной функции управления, как

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 108.

² Цит. по: Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 12.

контроль. Именно контроль дает адекватную оценку деятельности любой структуры правоохранительной системы и способствует совершенствованию управленческих воздействий.

Из различных видов контроля в демократическом обществе одним из самых важных является общественный контроль. В современных условиях, когда правоохранительные органы не стали гарантом защиты прав человека и основных свобод, общественный контроль должен способствовать выполнению основных функций органов внутренних дел в соответствии с принципами верховенства права, подконтрольности и прозрачности.

В связи с этим важно исследовать состояние общественного контроля в современных условиях с помощью социологических исследований. По данной проблематике были проведены исследования социологической группой по изучению общественного мнения о деятельности органов внутренних дел Волгоградской академии МВД России в период с 2015 по 2019 год. Выборочная совокупность составляла от 600 до 700 респондентов ежегодно.

Данные этих исследований были сопоставлены нами с результатами опросов сотрудников ОВД, проведенных среди слушателей факультетов заочного обучения Волгоградской академии МВД России и Академии управления МВД России в 2020 году. В опросе участвовали 140 полицейских из различных подразделений ОВД.

Анализ результатов мониторинга общественного мнения и опросов сотрудников ОВД показал довольно противоречивые представления населения и сотрудников о задачах и функциях общественного контроля за деятельностью полиции. Были обнаружены существенные проблемы в развитии данного вида контроля, которые, прежде всего, проявились в низкой степени вовлеченности широких масс населения в его осуществление.

С нашей точки зрения, данная проблема непосредственно связана с современным состоянием российского общества, которое характеризуется низким уровнем социальной солидарности и высокой степенью атомизации социальной жизни, что приводит к социальной пассивности, преобладанию индивидуалистических практик и низкому уровню межличностного доверия в обществе.

Наши исследования также подтверждают представление о невысоком уровне доверия социальным институтам со стороны населения. По данным социологического мониторинга общественного мнения, проводимого сотрудниками Волгоградской академии МВД России среди населения г. Волгограда, уровень доверия институтам гражданского общества в 2019 году имел следующие показатели: Общественной палате доверяли 30,8% и не доверяли — 33,2%; политическим партиям доверяли 25,7% и не доверяли — 49,3%; средствам массовой информации доверяли 35% и не доверяли — 44,5%; правозащитным организациям доверяли 36,8% и не доверяли 28,3% респондентов. Следует отметить, что существующий уровень доверия сохраняется на протяжении последних десяти лет с небольшими колебаниями в сторону повышения в 2014—2015 годах.

Низкий уровень доверия общественным организациям коррелирует со степенью активности населения в осуществлении общественного контроля за деятельностью полиции. Социологические исследования показывают, что на вербальном уровне граждане готовы принимать участие в общественном контроле, и заинтересованы в его усилении. 45,3% респондентов указали на необходимость общественного контролирования органов внутренних дел, 35,8% посчитали такой контроль излишним и 18,9% затруднились ответить на этот вопрос. Но на практике эта готовность не проявляется. О личном участии в осуществлении общественного контроля заявили только 9 человек (3% опрошенных). О готовности участвовать в данной сфере общественной деятельности высказались 14,6% респондентов.

Всесторонняя оценка проблемы осуществления общественного контроля за деятельностью полиции возможна лишь в том случае, когда мы изучаем не только мнение субъектов данного контроля (граждан) но анализируем его эффективность с точки зрения объекта контроля, а именно сотрудников полиции. Субъектно-объектная оценка, а именно сопоставление результатов опросов населения об их отношении к общественному контролю с мнением сотрудников органов внутренних дел по данной проблеме позволит найти пути ее оптимизации.

Как показывают результаты исследования, 40% опрошенных полицейских считают необходимым контролировать полицию общественными организациями, что на 5% больше, чем население. Отрицательно относятся к такой форме контроля 47,9% опрошенных сотрудников органов внутренних дел в целом, что значительно больше, чем доля респондентов, отрицающих необходимость общественного контроля среди населения (26,5%).

Поскольку совершенствование системы органов государственной власти невозможно без гражданского участия, необходимо расширение форм и возможностей общественного контроля, который должен стать действенным механизмом реализации прав граждан на управление российским обществом. Данные социологических исследований дают возможность оценить не только уровень вовлеченности граждан в осуществление гражданского контроля, изучить особенности взаимных ожиданий субъектов и объектов общественного контроля, но и наметить основные пути реализации партнерской модели взаимоотношений между полицией и обществом.

Федосеева Ольга Игоревна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Формирование национального самосознания как аксиологический вектор социальной политики государства

Проблема формирования национального самосознания является одной из важнейших в системе современной социальной политики государства в сфере образования, поскольку от ее решения зависит определение ценностных ориентиров и смыслов воспитания подрастающего поколения. Отказ от включения в образовательную политику трансляции системы национальных идеалов и ценностей в нашей стране на рубеже XX—XXI веков привел к весьма плачевным последствиям. Деидеологизация, отказ от воспитания в рамках обеспечения «образовательных услуг» стали знаковыми нововведениями «образовательного эксперимента» в России. Столь популярные идеи открытого общества, интеграции культур оказались средством обесценивания, разложения духовно-нравственной сферы нашего общества.

В настоящее время после глубокого анализа допущенных ошибок идет процесс не столько формирования, сколько воссоздания традиционной системы ценностных координат развития общества, и образовательная политика призвана обеспечить их реабилитацию и адаптацию к современным вызовам. Согласно М.В. Богуславскому, российское образование не просто обращается к позитивному историческому опыту, а «возвращает» после определенного исторического перерыва уже ранее присутствовавшие в нем феномены, тем самым осуществляя «ретроинновации»¹.

Многие авторы, анализируя вопросы формирования гражданского общества, делают вывод о необходимости поиска фундаментальных концептов, которые определяли бы базовые основы образовательного процесса, направленного на целостное становление личности гражданина². В современные педагогические исследования возвращается категория «идеологических основ образования» как совокупность идей, научных концепций, определяющих цели и задачи образования и воспитания, систему базовых национальных ценностей.

В одном из ключевых документов, отражающих современную образовательную политику государства, — Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года — выделяется приоритетная задача Российской Федерации в сфере воспитания: «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности»³, сложившиеся в процессе культурного развития России (действительно ретроинновация!). Воспитание, как неотъемлемая часть образования, вновь становится «стратегическим общенациональным приоритетом»⁴ в реализации социального заказа государства. При осуществлении социальной политики в сфере образования, определении ближайших и перспективных целей, выборе средств их достижения аксиологический компонент должен быть главенствующим. Мы полностью согласны с

1 Богуславский М.В. Консервативная стратегия модернизации российского образования в XX — начале XXI в. // Проблемы современного образования: интернет-журнал. 2014. № 1. С. 5—10.

2 Бойко Л.Л., Куликова С.В. Исследование идеологических основ Российского образования: история и современность // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2015. С. 22—26.

3 Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2021).

4 Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2021).

А.Г. Хабибулиным, утверждающим, что «воспитательный процесс, совершенно свободный от каких бы то ни было ценностных детерминант, невозможен»¹.

Знаковыми являются слова В.В. Путина, сказанные им в 2007 году в Послании Федеральному собранию Российской Федерации: «Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории»².

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России среди ключевых понятий мы находим определение национального самосознания (идентичности): «разделяемое всеми гражданами представление о своей стране, ее народе, чувство принадлежности к своей стране и народу. Основу национальной идентичности составляют базовые национальные ценности и общая историческая судьба»³. Напалкова И.Г. определяет национальное сознание как систему отражающих национальную идентичность норм и ценностей культуры, базирующуюся на определенной идеологии (державность, патриотизм, мультикультурализм, избранность и др.) и несущую в себе национальную идею⁴.

Механизмы формирования национального самосознания, на наш взгляд, основываются на механизмах становления социальной идентичности, возникающей в результате усвоения выработанных в процессе социального взаимодействия идеалов, образцов, общественных ценностей. Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. и Асеева Т.А. считают, что «проблема идентичности есть проблема ориентации, саморефлексии и самоопределения, с помощью которых индивид может позиционировать себя в социальном и политическом пространствах»⁵. Таким образом, в основе механизмов социальной самоидентификации личности лежат, с одной стороны, принадлежность человека к определенной нации (как социальная среда, внутри которой начинают работать данные механизмы, «поле национальной самоидентификации»⁶), а с другой стороны, процесс отождествления себя с ней (как результат формирования национальной идентичности).

Особую роль в формировании самосознания в современном информационном обществе играют коммуникационные технологии (СМИ, Интернет, социальные сети), они оказывают наибольшее эмоциональное воздействие не столько на сознание, сколько на подсознание человека, тем самым формируя отношения (но не убеждения, не устойчивые ценности!) к тем или иным сторонам и явлениям социальной действительности. Нередко навязываемые отношения идут вразрез с социальным заказом государства, препятствуя формированию национального самосознания. Задачей образовательных организаций, реализующих социальный заказ, будет не простое декларирование или навязывание системы ценностей (это наша страна уже проходила), а обеспечение логической цепочки воспитательного процесса: «ситуация — деятельность — опыт — позиция»⁷. Мы согласны с мнением Н.К. Сергеева и Н.М. Борытко о необходимости деятельностного подхода к вопросам воспитания, который обеспечит в качестве результата возникновение субъектной сознательной позиции. Но поскольку позиция отражается, реализуется в отношении или деятельности, именно они и должны стать конечным пунктом этой схемы.

1 Хабибулин А.Г. Идеология — основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 21—24.

2 Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации (26 апреля 2007 года). URL: <https://www.prlib.ru/item/438196> (дата обращения: 12.01.2021).

3 Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009.

4 Напалкова И.Г. Социальные технологии формирования национального самосознания: теоретико-методологический анализ // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 3. С. 316—327.

5 Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Асеева Т.А. Особенности и механизмы политической идентификации населения республики Алтай // Социологические исследования. 2017. № 6 С. 85—94.

6 Шишкин В.А. Этапы развития национального самосознания в России // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 102—105.

7 Сергеев Н.К., Борытко Н.М. Воспитание гражданской позиции // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2015. С. 16—22.

Горбачев Владимир Викторович, кандидат педагогических наук, начальник кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Правовая регламентация общественного контроля деятельности полиции как элемента социальной политики России

Согласно части 1 статьи 7 Конституции России, Российская Федерация является социальным государством. В качестве вектора осуществляемой им социальной политики рассматривается целенаправленная деятельность всех ветвей государственной власти по созданию для граждан достойных условий жизни, а также свободы в развитии личности каждого индивида.

В качестве социальной политики Российской Федерации мы считаем необходимым рассматривать значимый элемент внутригосударственной политики России, предназначение которого состоит во всемерном развитии социальной сферы государства, в частности гармонизации и упорядочении возникающих и существующих между членами социума общественных отношений, увеличении численности населения страны, создании в государстве социальной стабильности в самом широком смысле слова (этнической, межрасовой, конфессиональной, гендерной и пр.). Традиционные пути реализации социальной политики России — принятие и последующая реализация государством различных целевых программ социального характера (демография, здравоохранение, земский учитель и пр.), совместная деятельность различных государственных и общественных институтов, направленная на эффективное разрешение возникающих в отечественном социуме проблем.

Целью реализуемой Россией социальной политики выступает не только видимое повышение качества и уровня жизни всех представителей российского социума, их доходов в абсолютном и относительном исчислении, но и снижение безработицы, обеспечение граждан подобающими условиями для проживания, обучения, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности.

Среди множества функций социальной политики применительно к теме нашего краткого исследования необходимо заострить внимание на двух из них — стабилизационной и защитной функциях. Предназначением стабилизационной функции является поддержание максимальной стабильности и защиты от противоправных посягательств проистекающих в российском социуме общественных отношений. Под защитной функцией социальной политики России понимается защита членов от различных рисков и кризисов социального характера.

Как известно, Основной закон РФ в подпункте «е» пункта 1 статьи 71 определяет, что разработка основ социальной политики Российской Федерации, формирование и практическое осуществление федеральных программ социального развития относятся к исключительной сфере ведения Российской Федерации, в частности к федеральным органам исполнительной власти.

Согласно структуре федеральных органов исполнительной власти, утвержденной указом Президента РФ от 21 января 2020 года № 21¹, Министерство внутренних дел России, включающее в свою структуру среди прочих составных элементов и полицию, является федеральным органом исполнительной власти.

Действующий в настоящее время Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»² (далее — ФЗ «О полиции») не содержит в своих правовых нормах четкой законодательной дефиниции понятия «полиция». Исходя из смысла ст. 4 данного законодательного акта под полицией надлежит понимать составную часть единой централизованной системы МВД Российской Федерации, в состав которой могут входить подразделения, организации и службы, специально создаваемые для выполнения возложенных государством на полицию обязанностей.

Реализацию правоохранительного элемента социальной политики России полиция осуществляет через осуществление таких основных направлений своей деятельности, как защита личности и социума от различно рода посягательств, имеющих противоправный характер, а также реализацию комплекса мер по обеспечению общественного порядка в местах, относимых к категории общественных.

1 О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4, ст. 346.

2 Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

Переходя к непосредственному рассмотрению вопроса контроля со стороны общества за деятельности полиции как элемента социальной политики России применительно к правовой регламентации такого контроля, следует обратиться, прежде всего, ко второй главе ФЗ «О полиции», определяющей основополагающие идеи деятельности полиции во всех тех областях и сферах, на которые распространяется ее компетенция. Для выполнения поставленных перед полицией государственно-властных функций по обеспечению прав, свобод и законных интересов членов социума на всей территории Российской Федерации как составной части государственной социальной политики она наделена правом применения мер государственного принуждения. В связи с этим нас, прежде всего, интересует правовая сущность принципа общественного доверия и поддержки со стороны граждан к деятельности полиции, закрепленный в статье 9 ФЗ «О полиции».

Принцип общественного доверия к деятельности полиции предписывает полиции таким образом выстраивать свою текущую правоохранительную деятельность, чтобы она была понятна для членов общества, а действия сотрудников полиции отвечали требованию обоснованности.

Для того чтобы общество могло на должном уровне осуществлять контрольно-надзорные полномочия в отношении полиции частью 7 статьи 9 ФЗ «О полиции» предусмотрена обязательность создания как непосредственно при МВД России, так и при его территориальных органах общественных советов. Назначением такого рода общественных советов при органе внутренних дел отечественный законодатель определил согласование значимых с точки зрения общества, социальных и общественных институтов интересов и социальной политики, реализуемой государством, для помощи в разрешении максимально значимых аспектов практической деятельности полиции и ее личного состава. Одним из направлений указанной согласованной деятельности государства и общества в отношении полиции выступает общественный контроль текущей деятельности полиции, ее служб и подразделений, их сотрудников, на что прямо указывает диспозиция пункта 5 части 7 статьи 9 ФЗ «О полиции».

Деятельность общественных советов при МВД России и его территориальных органах организуется и осуществляется в соответствии с нормативными правовыми требованиями указа Президента РФ «Об общественных советах при МВД России и его территориальных органах»¹. Положение об Общественном совете при МВД России утверждено соответствующим указом Верховного главнокомандующего России². Положения об общественных советах при территориальных органах МВД России по субъектам Российской Федерации утверждаются Министром внутренних дел России в соответствии с требованиями ведомственного нормативного правового акта³.

Глава 10 ФЗ «О полиции» регламентирует порядок осуществления контроля и надзора за деятельностью полиции, а также субъектов этой контрольной деятельности. Диспозиция статьи 50 данной главы определяет, что общественный контроль за деятельностью полиции подлежит осуществлению в строгом соответствии с требованиями правовых предписаний следующими его субъектами:

— граждане России. Эти субъекты общественного контроля реализуют свою деятельность, руководствуясь нормами Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁴;

— Общественная палата России. Данный субъект общественного контроля непосредственно осуществляет свои контрольные полномочия в отношении деятельности полиции, исходя из правовых предписаний Федерального закона от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»⁵;

— общественные наблюдательные комиссии. Данный субъект общественного контроля деятельности полиции как элемента социальной политики России в качестве объекта своей контрольной деятельности рассматривает крайне специфическое направление правоохранительной деятельности подразделений полиции территориальных органов МВД России. Таким направлением

1 Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах: указ Президента РФ от 23 мая 2011 г. № 668 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 22, ст. 3154.

2 Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 28 июля 2011 г. № 1027 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31, ст. 4712.

3 О мерах по реализации указа Президента РФ от 23 мая 2011 г. № 668: приказ МВД России от 15 августа 2011 г. № 939. Текст указа официально опубликован не был.

4 Собрание законодательства РФ. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4213.

5 Собрание законодательства РФ. 2005. № 15, ст. 1277.

является деятельность полиции по обеспечению принудительного содержания граждан в местах их изоляции от общества, подведомственных МВД России. Общественный контроль, реализуемый общественными наблюдательными комиссиями, организуется и проводится в соответствии с правовыми предписаниями Федерального закона от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»¹.

Следует отметить, что среди всех перечисленных нами субъектов общественного контроля деятельности полиции и ее сотрудников наиболее действенный вклад в реализацию социальной политики России вносят общественные наблюдательные комиссии. Проводимые ими мероприятия обеспечивают необходимый уровень обеспечения социальных гарантий лиц, находящихся в местах принудительного содержания, подведомственных органам внутренних дел.

Осянин Андрей Николаевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Социальное самочувствие граждан в современной России

Социальное самочувствие выступает индикатором восприятия гражданами страны различных вопросов социально-политической, экономической, духовной повестки жизни общества. Общественное настроение позволяет оценить содержание и направленность обратной связи населения в отношении государства, а также отдельных структур и лиц.

Более трети россиян отметили (36%)², что 2019 год был труднее, чем предыдущий, а половина считает, что он такой же, как и 2018 год. При этом более десятой части заметили улучшения по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, сальдо положительных и отрицательных оценок 2019 года для российских семей находится в области отрицательных значений. Незначительное повышение положительных значений отмечается в 2017 году. Тогда как всплески негативных оценок (55%) приходятся на 2015 год, который следует за началом валютного кризиса и падением мировых цен на нефть в 2014 году. Следует отметить закономерность роста негативного восприятия окружающей действительности для российских семей, которая привязана к экономическим кризисам, сопровождающимся резким падением курса национальной валюты (1998, 2008, 2014)³.

Структура мнений и представлений граждан страны о том, каким год оказался для России в целом, во многом синхронна с теми, что были даны в отношении своей собственной семьи. Сохраняется тренд на рост числа мнений о том, что год остался таким же, как и предыдущий (49%). Незначительно снизилось число тех, кто отметил 2019 год в качестве более трудного, нежели 2018 (с 45% до 38% соответственно). Численность оптимистов, которые высказались о 2019, как более легком годе для России, по сравнению с 2018 годом, выросло незначительно и составило 13%⁴.

Восприятие социально-политической, духовной, экономической сфер жизни россиянами носит циклический характер и изобилует высоким уровнем поляризации оценок, что выступает индикатором нестабильности и социальной апатии. Некоторой стабильностью отличается тренд на оптимистичное восприятие происходящих в стране событий, но одновременно подобные оценки дает минимальное количество россиян. Наибольшие взлеты можно отметить в 2001 году (30%) и в 2007 году (33%), в остальные годы (с 1989 по 2019) количество положительных оценок не превышает четвертой части (25%) от общего числа россиян.

Указанные тенденции проявляются в социальном самочувствии и настроении граждан страны. Начиная с ноября 2019 года наметилась нисходящая траектория и сальдо позитивных/негативных оценок смещается в область последних. В целом первая половина 2019 года ознаменовалась ростом позитивных оценок в отношении своего настроения, который закончился осенью того же года.

Если говорить в целом о жизни, которую ведут россияне, то она устраивает все меньшее число граждан. Начиная с весны 2018 года по август 2019 года, наметился устойчивый нисходящий тренд в область негативных оценок своей жизни со стороны граждан страны. Оценки имеют достаточно

1 Собрание законодательства РФ. 2008. № 24, ст. 2789.

2 Общественное мнение — 2019. М.: Левада-Центр. С. 7.

3 Общественное мнение — 2019. М.: Левада-Центр. С. 7.

4 Общественное мнение — 2019. М.: Левада-Центр. С. 7.

поляризованный характер, что демонстрирует низкий уровень стабильности и определенную напряженность социального характера.

Также это проявляется в том, насколько уверенно граждане смотрят в будущее. Здесь россияне разделились на две группы, в одной из которых (52%) участники не уверены в завтрашнем дне, а в другой (42%) — уверены¹.

В конце 2019 года незначительно вырос индекс политического и экономического оптимизма, хотя начало года и первая половина ознаменовались падением и процессом восстановления позитивных ожиданий россиян. Экономический оптимизм имеет более низкие показатели по сравнению с политическим. Это обусловлено тем, что реальный располагаемый доход граждан снижается, рост цен на товары первой необходимости и тарифов ЖКХ превышает рост доходов, что напрямую отражается на благосостоянии граждан страны.

В этих условиях гражданам приходится выбирать разные типы адаптации: треть не смогла приспособиться или свикнуться с ограничениями; треть заявляет о том, что «приходится вертеться», чтобы адаптироваться к новой реальности; пятая часть россиян живет как раньше; менее десятой части смогли использовать новые возможности и приспособиться к новым условиям. На фоне адаптационных стратегий у граждан укрепляется чувство усталости и безразличия (36%), тогда как число тех, кто испытывает чувство надежды, в 2019 году сократилось и составило 26%. Год назад указанное чувство фиксировали у окружающих более трети жителей страны (34%). У себя лично россияне отмечают чувство надежды (34%), обиды за свой народ (25%), усталость/безразличие (23%), уверенность в завтрашнем дне (17%), гордость за свой народ (15%)².

Таким образом, кардинального сдвига в социальном настроении и ожиданиях граждан России не произошло. При этом восприятие прошедшего года для страны в целом и собственной семьи остается на уровне предыдущего или отмечаются ухудшения. Не более пятой части граждан заявляет о том, что год для семьи и страны был легче предыдущего. Социальное настроение граждан имеет довольно сильные колебания и существует устойчивая взаимосвязь между экономическими кризисами (1998, 2008, 2014) и социальным самочувствием населения страны. Только половина россиян с оптимизмом смотрит в завтрашний день и ожидает позитивных изменений. В динамично меняющихся условиях окружающей действительности три четверти граждан испытывают затруднения в процессе адаптации или вовсе не могут приспособиться. Доминирующие чувства, которые фиксируют россияне у своих сограждан — это усталость, безразличие и надежда. В структуре своих собственных чувств отмечают такие, как надежда, обида за свой народ и усталость, безразличие. Социальное самочувствие — важный аспект жизни граждан и стратегический ресурс государства и руководящих структур.

Базурина Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Российское правосудие: специфические проблемы современности

События последнего года многими обозревателями оцениваются как всеобщий цивилизационный кризис. Несмотря на то, что в специальной литературе, посвященной глобальным проблемам современности, начиная с 80-х годов XX века возможность возникновения и распространения какого-либо заболевания, причем с наибольшей вероятностью из семейства коронавирусов, утверждалась давно, в целом государства и правительства практически всех стран мира оказались к реальному развитию подобного рода событий абсолютно неготовыми.

Но, оставляя за рамками настоящей статьи проблемы сугубо медицинского и экономического характера, хотелось бы обратить внимание на некоторые специфические и неразрешенные на данный момент противоречия, с которыми большинство систем государственного управления только еще начинают сталкиваться и которые в перспективе неизбежно решать все же придется.

Большинство аналитиков уже сейчас отмечают, что с наименьшими «потерями» из ситуации с распространением заболевания вышли так называемые тоталитарные режимы вроде Китая. При

1 Общественное мнение — 2019. М.: Левада-Центр. С. 16.

2 Общественное мнение — 2019. М.: Левада-Центр. С. 17—18.

этом одно из явных противоречий, которое стоит отметить, состоит в жесточайших мерах, принятых властями этой страны, с одной стороны, и потрясающей действенностью этих мер — с другой. Например, после выявления среди сотрудников Шанхайского аэропорта двоих (!) заболевших, власти одновременно приняли решение заблокировать всех находящихся в здании и на территории аэропорта — встречающих, провожающих, улетающих и прилетевших — для сдачи анализа на ковид. Кроме того, в течение всего двух суток властями были выявлены и проверены 17 тысяч (!) контактов заболевших, включая случайных прохожих и попутчиков в общественном транспорте и членов их семей. Возможна подобная операция стала исключительно благодаря повсеместному внедрению систем цифрового контроля и слежения за гражданами. Безусловно, действия властей Китая могут рассматриваться в этом аспекте как нарушение прав и свобод граждан (право на свободу передвижения, право на неприкосновенность и конфиденциальность личной жизни, личных данных и т. д.). Однако результатом подобного рода действий стало обеспечение и сохранение здоровья и жизни своих соотечественников в кратчайшие сроки и, как следствие, возможность избежать общенационального «локдауна» и возможность свободного передвижения и, главное, общения людей между собой, возможность встречать наступление нового календарного года с родными и близкими.

Контрастом наиболее ярким, пожалуй, выглядели на этом фоне страны Западной Европы с непропорционально большим количеством ограничений, вплоть до самых странных (например, запрет в Великобритании на настольные игры в кругу семьи). Фактически, именно страны, наиболее традиционно ратующие за соблюдение прав граждан на всевозможные свободы, и ограничивают в итоге свое население, в том числе элиты, по максимуму. И это далеко не единственный парадокс нашего времени.

Ситуация в России не менее противоречива, и действия властей (как федеральных, так и региональных) неслучайно все чаще обсуждаются не только профессиональными сообществами врачей, биологов, эпидемиологов, вирусологов и инфекционистов. Все чаще те или иные распоряжения и законодательские инициативы разного уровня вступают в явное и неприкрытое противоречие с заявленными в Конституции правами и свободами россиян, что неизбежно вызывает бурную реакцию уже у юристов.

Однако хотелось бы заострить внимание коллег на ситуации, которая еще только начинает более или менее ярко вырисовываться и пока еще вызывает обсуждения больше в среде неврологов и психологов. Но рискнем высказать предположение, что рано или поздно по мере дальнейшего развития событий она станет предметом ожесточенных споров правоохранителей и специалистов в области правоприменительной практики.

По мере углубления наших знаний о новом заболевании становится понятным, что помимо общего поражения организма особое внимание следует уделять поражению нервной системы. Относительно недавно впервые среди профессиональных неврологов было высказано предположение о том, что непропорционально активные участники массовых манифестаций во всех почти странах, пораженных новым заболеванием, могут быть тем самым большинством бессимптомно переболевших, о которых часто упоминают СМИ. Суть идеи такова: то, что человек не почувствовал и не заметил никаких изменений в собственном организме, ни в коей мере не означает, что их нет. А одно из частых следствий поражения сосудов головного мозга — агрессивное поведение пострадавшего. Обратите внимание, что это отнюдь не означает, что человек становится невменяемым или действует в состоянии аффекта! Речь идет о том, что реакции неприятия и раздражения становятся настолько ярко выраженными, что человек оказывается не в состоянии свои реакции подавить и они находят свое выражение в агрессивном поведении.

А теперь вспомним целый ряд неординарных событий последних месяцев в Нижнем Новгороде: странный суицид в центре города, расстрел молодым человеком случайных прохожих в г. Бор Нижегородской области, далеко не типичное убийство с последующим суицидом на детской горке на глазах у собственного ребенка. С одной стороны, понятно, что все эти люди были психически нестабильны, с другой же, очевидно, что погодные условия, перепады давления и общая нервная обстановка последних месяцев значительно усугубили внутреннее состояние людей. Но не слишком ли много совпадений и, возможно, стоит прислушаться и к мнению практикующих врачей с огромным коллективным профессиональным опытом и имеющим возможность сравнивать? И если вдруг версия поражения сосудов головного мозга после болезни окажется верной, тогда в скором времени профессионалам уже совсем иного направления придется решать, на наш

взгляд, очень непростую задачу: в случае совершения неких агрессивных действий человеком с поражением головного мозга в результате перенесенного заболевания, когда человек вменяем и осознает свои поступки, но не в состоянии им противиться, каким образом система правосудия будет оценивать его поведение? А если это представитель правоохранительных органов? Ведь в данном случае речь будет идти о последствиях заболевания и так называемом «пограничном» состоянии организма, когда человек формально не болен, но уже и не здоров. Пока, насколько можно судить, и этот вопрос, и проблема процентного соотношения людей, подверженных подобного рода изменениям, остаются открытыми. Но обратим внимание на сообщения о том, что Пентагон официально запретил брать в армию переболевших даже при наличии великолепных данных. После разгоревшегося на этой почве скандала (тогда заговорили о дискриминации) формулировку в отношении новобранцев изменили, но суть осталась прежней. Говорит ли это решение о повышенной осведомленности американских военных — вопрос открытый.

Нас же в контексте заявленной темы гораздо больше волнует вопрос, какими путями будет развиваться в дальнейшем российское правосудие с учетом новых, совсем, как представляется, неожиданных реалий завтрашнего дня.

Кобылкин Роман Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России

Актуальные вопросы национальной политики Российской Федерации в историческом контексте

Создание национального государства на протяжении всей истории России было главной задачей власти. Объединение разрозненных народов на огромной территории было непростой задачей. Рассматривая историю выстраивания национальных отношений в нашем государстве и рефлексию этого процесса в отечественной науке, нетрудно заметить одну из доминирующих точек зрения, согласно которой в России никогда не было нации, хотя попытки ее создания предпринимались как в прошлом, так и в настоящем.

В процессе создания государства на первоначальном этапе в X веке происходит собирание русских земель на основе православия. Этот проект в какой-то мере можно считать первой русской идеологией. Как известно, процесс затянулся на несколько веков и был связан как с внутренними противоречиями, так и с влиянием извне. Только к концу XVII века, после религиозной реформы 1666—1667 годов, можно говорить об окончательном утверждении этой идеологии. Реформа совпала с окончанием Русско-польской войны и присоединением новых территорий по Днепру. В состав России были включены Белоруссия и Украина. Тогда же появляется триколор в качестве государственного флага России. Эти три цвета олицетворяли единство трех славянских народов.

В следующем столетии традиционный уклад был нарушен реформами Петра I. Новый царь своими нововведениями, по сути, расколол и без того непростое многонациональное государство. Насаждались западные правила этикета и культуры быта. Фактически в Российской империи произошёл раскол на верхи и низы. Аристократический слой, составляющий опору царизму, поддерживал новую моду на европейские ценности, в то время как простой народ продолжал линии традиционной культуры.

В середине XVIII столетия появляется знаменитая «норманская теория», согласно которой русский народ своей государственностью обязан европейской цивилизации, якобы она помогла создать государство славянам. Эта теория обострила вопрос о национальной идентичности россиян. Хотя уже тогда были противники данной теории, которые стояли на защите самобытности русской истории. М.В. Ломоносов, как представитель антинорманистов, обосновывал необходимые объективные предпосылки формирования государства, много сделал для сохранения российской истории, культуры и языка.

После восстания декабристов царская власть предпринимает меры по укреплению государственности в рамках известной теории официальной народности: «Православие. Самодержавие. Народность». Итогом этих нововведений стало появление российского имперского национализма: «Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национа-

лизмы народов, населяющих империю, привело к политике русификации»¹. Российской империи в очередной раз приходилось подключать государственные рычаги для сплочения народов России перед вызовами Европы. Министр просвещения С.С. Уваров подготовил ряд мер, направленных на поддержание и укрепление народности, а также на поднятие патриотических чувств в стране: «В многонациональном же государстве явить душу государствообразующего народа его соседям, сделать ее стержнем общеимперской жизни...»². Как известно, ответом на эти действия стали «Философические письма» П.Я. Чаадаева, которые привели к спору славянофилов и западников.

Новая идеологическая установка по времени совпадает с творчеством великого русского поэта А.С. Пушкина. Благодаря ему в России появился литературный национальный русский язык, который способствовал объединению всех народов, проживающих в стране. Таким образом «Пушкин завершил идеологический прорыв в утверждении категории «российский народ»...»³. Можно сказать, что творчество великого поэта переломило вектор истории, начинается мода на все русское, включая язык. Известно, что в России в начале XIX века на русском языке говорили в основном простолюдины, просвещенное общество изъяснялось на европейских языках. После смерти поэта, когда его наследие было переосмыслено, дворянство стало говорить на русском языке и это, несомненно, одна из заслуг А.С. Пушкина.

Однако серьезных изменений в области национальной политики не произошло, кроме внедрения образа православной России. Русский язык как основной компонент национальной принадлежности не стал обязательным при получении начального образования, в отличие, например, от закона Божьего. На всем пространстве государства огромное количество неграмотного населения продолжало делить себя на великороссов, белоруссов, малороссов и т. п., не воспринимая себя в качестве единой нации. К началу революционных событий 1917 года государство не было интегрировано ни экономически, ни культурно, ни конфессионально, и это также явилось одной из причин надвигающейся катастрофы.

После прихода к власти большевиков во главе с В.И. Лениным происходит строительство нового государства путем объединения национальных республик. Выбор состоял из федерации равноправных народов или централизованного национального строительства при главной позиции Советской России. Ленинская концепция национальной интеграции предполагала равноправный союз. И.В. Сталина такая концепция не устраивала, поэтому при создании СССР учитывался принцип «старшего брата» в лице РСФСР. Курс государственной политики был направлен на создание новой интегрированной исторической общности — советский народ.

Одной из первых задач новой власти стала борьба с неграмотностью. Увеличивая количество образованного населения государство занималось и воспитанием людей в духе единства и уважения разных национальностей. Наряду с образованием, на формирование нового советского человека оказывало влияние искусство. На основе первых советских фильмов «Броненосец «Потемкин»», «Чапаев», «Александр Невский», «Волга-Волга», «Цирк» происходило воспитание нового поколения. Вместе с киноискусством писатели А.М. Горький, Н.А. Островский, А.Н. Толстой, М.А. Шолохов и другие создавали образ советского патриота и Советской Родины. Этот имидж пополнялся примерами из прошлого, которые с точки зрения власти составляли гордость нового Отечества. Советский народ выдержал испытание войной с фашистской Германией, продемонстрировав дружбу народов, явившуюся одним из источников победы над врагом.

Войны, особенно победоносные, всегда были важными факторами формирования патриотических чувств. Призывая защищать Родину, власть формировала у граждан национальное самосознание, в результате чего происходило ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности часто необходима дифференциация по принципу «мы — они», которая невозможна без формирования национальных стереотипов и гордости за свою страну. Победа в Великой Отечественной войне прочно укоренена в памяти современных россиян, представляется как значимый повод гордости за Родину и важнейшее событие советского периода истории нашей страны. Память о войне являет собой самый крепкий «цементирующий материал», на котором выстраивается современная национальная идентичность.

1 Гранин Ю.Д. Станет ли Россия «Национальным государством»? // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 19.

2 Сендеров В.А. «Православие. Самодержавие. Народность» Европейский проект для России // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 121.

3 Согрин В.В. Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В.А. Тишкова) // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 120—121.

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

Однако, несмотря на все усилия по созданию новой общности «советский народ», предпринятые со стороны советского правительства, СССР не смог избежать серьезных национальных проблем, ставших одной из серьезных причин его распада. Вектор национальных отношений, при котором доминировала РСФСР, перегибы в распространении русского языка и российской культуры, а также нерешенные территориальные споры в других республиках привели к открытым столкновениям в 80—90-е годы XX века и распаду СССР.

Новая Россия, являясь правопреемницей Советского Союза, делает акцент на создании многонационального государства с равным положением всех народов. Ситуация усложняется распространяющейся глобализацией, которая размывает культурную идентичность, под воздействием массовой культуры изменяется национальная, трансформируется язык. Конечно, язык, являясь частью культуры, меняется вместе с человеком от эпохи к эпохе, отражает все социальные изменения, наполняет лексикон новыми словами. Если не принимать усилия в области сохранения русского языка и культуры, то они могут раствориться и исчезнуть, как исчезли многие африканские и американские языки после колонизации. Именно поэтому государство в России активно пытается создать формулу национального единства, необходимую для сплочения населения вокруг незыблемых ценностей преодоления разобщенности и кризиса самоидентификации, воспрепятствованию дальнейшей атомизации общества¹.

В деле укрепления российской нации со стороны государства предпринимаются попытки сбережения народа. Это проявляется в пропаганде здорового образа жизни (запрещена реклама алкогольной и табачной продукции, ограничены места для курения, введены административные штрафы за данные нарушения и т. п.). Молодежи прививается мысль о здоровом образе жизни, правильном питании, проводится пропаганда спортивных мероприятий, участие в них поощряется организаторами. Во многих городах появляются пешие и велосипедные дорожки, строятся спортивные площадки.

При создании новой российской идентичности, в многонациональной общности самой большой страны созрела необходимость найти символы, которые бы смогли ее объединить. Для этого нужна продуманная государственная идеология, направленная на формирование нового типа человека, здорового, знающего и любящего свою историю и культуру, умеющего строить отношения в многонациональном социуме, сочетающего свои интересы с интересами окружающих, и при этом специалиста в продуцировании новых знаний в деле укрепления Отечества.

Русакова Наталья Григорьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Духовная безопасность в системе социальной политики Российского государства

Россия, ее многонациональный народ являются хранителями многовековых традиций, в основе которых лежит созидательное начало, мирное сосуществование со всеми народами, победы над врагами нашего Отечества, совесть, честность, благородство, жертвенность, милосердие, стремление к добру русского человека. Попытки изменить или исказить эти традиции приводят к дисбалансу нашей духовной составляющей и требуют определенных действий по ее защите. В новых конституционных поправках 2020 года в статье 67¹ были закреплены основные направления духовной безопасности России. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что духовная безопасность, определяющая систему ценностей современного человека, является не только духовно-нравственным понятием, а также правовым в системе национальной безопасности Российского государства. Духовная безопасность молодежи находится под пристальным вниманием государства и общества, некоторым вопросам духовной безопасности молодого поколения страны посвящена данная статья.

Беспаленко П.Н. определяет духовную безопасность как «качественную характеристику состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых и социетальных интересов,

¹ Кобылкин Р.А. Современное российское общество: в поисках духовных оснований // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (47). С. 92—94.

функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры»¹. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 31 декабря 2015 года, сущность этого понятия содержится во всех компонентах национальной безопасности и определяется как способность к защите, сохранению и укреплению нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного, духовного и научного потенциала страны².

Нравственные ценности, патриотизм, гуманизм — ключевые понятия духовной безопасности личности, которая отражается в системе социальной политики Российского государства через воспитание, образование, культуру в целом. Особую актуальность проблема духовной безопасности личности приобретает в молодежной среде.

В 2009 году В.В. Путин, будучи Председателем Правительства Российской Федерации, открывая заседание оргкомитета по проведению в России «Года молодежи», подчеркнул, что «молодежь — наиболее динамичная и в то же время уязвимая часть нашего общества. Она способна на многое и нуждается в поддержке, поощрении, здоровой жизненной среде и надежных социальных гарантиях»³.

Необходимо отметить, что под «уязвимостью» следует понимать социальные изменения в молодежной среде: снижение уровня культуры и образования; девальвация и оскудение нравственных ценностей; принижение понятий гражданственности и патриотизма; снижение рождаемости; увеличение наркомании и токсикомании, преобладание материальных потребностей над духовными и др.

В современном мире угрозами духовной безопасности являются: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории⁴.

Ответом на данные вызовы может быть целенаправленная социальная политика Российского государства.

Стратегической целью социальной политики Российского государства является создание благоприятных и конструктивно-созидательных экономических, правовых и социально-политических условий для того, чтобы каждый человек мог работать и достойно зарабатывать, содержать себя и свою семью на достойном современном человека уровне⁵.

Основные направления укрепления духовной безопасности современной молодежи совпадают с приоритетными национальными проектами, которые затрагивают все население страны.

Важнейшей из них является демография, так как она направлена на «сбережение и приумножение народа России»⁶. С 2006 года в России действует система «материнского капитала», направленная на социальную поддержку молодых семей, имеющих детей, и эта Программа, по предложению Президента Российской Федерации, будет продлена до 2026 года.

Значительные средства Российское государство направляет на здравоохранение, защиту здоровья российских граждан. Особенно это стало заметным в период пандемии, неблагоприятной эпидемиологической обстановки, вызванной коронавирусной инфекцией. Полагаем, что лучшим свидетельством укрепления духовной безопасности российской молодежи на современном этапе является участие молодых людей в волонтерских движениях, целью создания которых является безвозмездная помощь ближнему, работа в больницах, в детских домах и др. В современном во-

1 Беспаленко П.Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2009.

2 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. (Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.) URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 23.08.2020).

3 Сидибэ П. Инвестиции в молодость // Российская газета. 2009. 22 февраля.

4 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. (Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.) URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 23.08.2020).

5 Охотский Е.В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат / Е.В. Охотский, В.А. Богучарская // Труд и социальные отношения. 2012. № 5(95). С. 30—44.

6 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 23.08.2020).

лонтерском движении определенно наблюдаются квазирелигиозные признаки, то есть религиозное поведение молодых людей с атеистическим мировоззрением, не входящим ни в какую религиозную конфессию. Они демонстрируют гуманное, милосердное, альтруистическое поведение, свойственное авраамическим религиям. Волонтерское движение получает поддержку государства и общества, является уникальным феноменом нашего времени, так как в него вовлечены тысячи молодых людей, объединенных единой благородной целью помочь человеку.

Важнейшей частью социальной политики Российского государства является образовательная среда. Примечательно, что с сентября 2020 года в Федеральный закон «Об образовании» включена воспитательная составляющая образовательного процесса. Совершенно очевидно для многих, что образование немислимо без воспитания. При воспитании подрастающего поколения в традициях нравственности, патриотизма и гражданственности укрепляется и закаляется духовная безопасность молодежи. Так, тысячи молодых людей в масштабе страны ежегодно встают на «Вахту памяти» молодежного движения России, созданного для поиска останков и увековечивания памяти погибших солдат в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Обучающиеся Нижегородской академии МВД России ежегодно принимают участие в данных масштабных мероприятиях. На полях, где проходят раскопки, происходит невидимая связь поколений — прадедов и правнуков. Поисковое движение будет существовать до тех пор, пока не поднимут последнего солдата с земли, погибшего во время военных конфликтов. В процессе поисковой деятельности, деятельности по увековечиванию памяти павших за Отечество воинов, обучающийся обретает понимание общественных потребностей, ценностей реализации собственной судьбы в соприкосновении с судьбой Родины. Это является важным обстоятельством для формирования основных качеств личности: желание к трудиться, честность, патриотизм, любознательность, стремление помогать, стремление преодолевать трудности. Молодое поколение приобретает мудрость, рассудительность, осмысленность поступков, стойкость, мужественность, отвагу и многие другие качества, столь необходимые современному молодому человеку. Соответственно, пока происходят войны, будут и жертвы этих войн, и родственники тех, кого до сих пор ждут дома¹. Совершенно планетарный размах приобрел феномен «Бессмертного полка», автором идеи создания которого является наш соотечественник Сергей Лапенков. Молодой человек вместе с друзьями придумал и реализовал идею, которая поначалу была очень личной для него — найти сослуживцев деда. В настоящее время это движение охватило все континенты, объединило в своих рядах людей всех возрастов, национальностей, даже непримиримых в обычной жизни людей.

Наряду с патриотизмом немаловажное значение в системе духовной безопасности имеет духовность как «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными»². Перед угрозой современных вызовов духовность становится преградой на пути зла, вовлечения молодежи в деструктивные объединения экстремистского толка, тоталитарные секты, сообщества, основанные на криминальной субкультуре, информационного терроризма, распространяющегося через сеть «Интернет», и других негативных явлений современности.

Таким образом, приоритетными направлениями укрепления духовной безопасности современной молодежи в свете реализации социальной политики Российского государства являются духовно-нравственное и патриотическое воспитание, повышение культурного уровня и уровня знаний, укрепление семейных ценностей, профессиональное обучение, а также формирование здорового образа жизни.

Капитанова Надежда Валентиновна, преподаватель кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Политика цифровизации образования: адаптация педагогов к новым вызовам

Цифровизация в образовании — явление не новое. Цифровое обучение уже давно занимает достойное место в российском образовании, позволяя решать задачи, не решаемые или недостаточно решаемые с помощью традиционных технологий. Образовательное пространство всех уровней оснащено технически, педагогические работники прошли переобучение и, свободно владея совре-

¹ Мельник Э.В. Поисковая деятельность как одно из направлений военно-патриотического воспитания молодежи // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (42). С. 183—189.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2009. С. 284.

менными IT-ресурсами, успешно внедряют их в традиционный образовательный процесс. Однако в 2020 году возникшей всемирной пандемией педагогам был брошен вызов — резкий переход на дистанционный формат обучения. Как показала практика, не все оказались готовы к такому вызову.

В рамках распространяющейся пандемии Министерством образования и науки Российской Федерации совместно с Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС было проведено масштабное исследование отношения преподавателей страны к дистанционному образованию в условиях распространения коронавирусной инфекции. В исследовании приняли участие 34 тысячи преподавателей, что составляет около 15% от общего числа профессорско-преподавательского состава страны. Результаты исследования свидетельствуют о том, что технически, организационно педагоги готовы к работе в дистанционном формате, но психологически оказывают сопротивление, ставя под сомнение качество образования в онлайн-среде и отдавая предпочтение традиционной форме организации образовательного процесса.

В ходе исследования выявлен ряд положительных моментов, а именно преподаватели высшей школы обладают компьютерной грамотностью и могут работать в цифровой среде (83% опрошенных практически постоянно находятся в онлайн-среде посредством мобильных и стационарных устройств; 75% опрошенных оценивают свою компетенцию в современных компьютерных технологиях в целом выше, чем у коллег). В сложившейся ситуации пандемии вузовские преподаватели принимают политику государства в деле противодействия COVID-19 (77% опрошенных называют сложившуюся ситуацию серьезной или скорее серьезной).

Вместе с тем, внезапное изменение привычного образа жизни, в том числе резкий переход на дистанционный формат преподавания, стали причиной появления некоторого неприятия вузовскими преподавателями дистанционного образования (66% преподавателей указали, что им не нравится работать дома; у 34% респондентов дома нет места для комфортного ведения занятий; 87,8% считают, что свои занятия лучше проводить в очном формате)¹.

В настоящее время цифровизация образования — это универсальный механизм разностороннего и эффективного функционирования любой образовательной организации, повышающий ее конкурентоспособность и востребованность.

Особое значение при этом имеют адаптационные ресурсы педагогического работника высшей школы, все еще являющегося ключевым звеном в организации образовательного пространства.

Внедрение любых инноваций проходит через несколько этапов и не всегда однозначно воспринимается общественностью. На первом этапе наблюдается всеобщее отрицание, второй этап характеризуется всеобщим признанием и восторгом, на заключительном этапе начинается плодотворная работа. Анализируя сложившуюся ситуацию, можно с уверенностью сказать, что ряд образовательных организаций нашей страны уже находится на этапе серьезной плодотворной работы.

Думается, что в результате адаптации преподавателей к дистанционному образованию, приобретения ими необходимых навыков ситуация изменится в лучшую сторону. Овладение новыми профессиональными компетенциями, повышение своего профессионального уровня с помощью интернет-ресурсов, взаимодействие с коллегами в дистанционном режиме и, наконец, создание необходимых условий для эффективной работы дома будут способствовать снижению внутреннего сопротивления педагогов.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что цифровизация в образовании не предполагает полный отказ от традиционных методов обучения, а способствует его трансформации. Цифровые технологии делают процесс обучения более доступным, персонализированным и творческим, способствуют повышению качества образования.

Наумов Сергей Иванович, преподаватель кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Этнокультурное просвещение в контексте обеспечения национальной безопасности

Обеспечение национальной безопасности России является первостепенным направлением деятельности и включает в себя в том числе охрану духовного, культурообразующего наследия, со-

¹ Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2603 (дата обращения: 19.11.2020).

хранение этнических традиций и уклада жизни всех народов, населяющих страну. Нестабильность воспроизведения и поддержания этнокультурных особенностей приводит полиэтнические анклавы к росту преступности, нравственной деградации, маргинализации и в итоге к снижению безопасности государства на международной арене. Из-за высоких темпов глобализации и модернизации общества трансформация традиционных институтов общества разрушает естественное мировосприятие граждан и приводит к потере этнокультурной идентичности. На фоне этого разрабатываются стратегические направления, способствующие сохранению и защите нашего народного единства. Утвержденная Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» ввела высшие приоритеты национальной безопасности страны — государственная оборона, общественная безопасность, наука, технологии и образование, культура и т. д.

Исходя из важности этого направления жизнедеятельности, национальную безопасность можно определить как состояние защищенности гражданского общества и государства от различных угроз, обеспечивающее реализацию прав и свобод граждан, их достойный уровень социализации, независимость и стойкое экономическое развитие России. Образование является основным видом поддержания этого состояния благополучия¹. Одна из целей, согласно обозначенной стратегии, направлена на улучшение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех без исключения граждан, так как кадровый потенциал многонациональной страны является основой развития регионов и благосостояния державы. Она должна решаться с помощью повышения качества всех уровней обучения с выходом на лидирующие мировые позиции. Особенно актуальным это становится в условиях очередного мирового кризиса, в попытке вернуть монополярность господствующего влияния отдельных развитых стран, применяя различные геополитические, экономические, информационные рычаги воздействия с целью заблокировать развитие и влияние России на мировое сообщество.

Необходимо обратить внимание на усиление роли института семьи, школы в воспитании молодого поколения на основе вековых духовно-нравственных и этнокультурных ценностей. Таким образом, представляется возможным формирование и развитие национального самосознания через освоение ценностей культуры с использованием различных форм художественного, технического и социального творчества.

Воспитательная функция просвещения реализуется при противодействии радикальной идеологии в сознании подростков, как одной из угроз современной государственной безопасности². Тенденции нового века таковы, что со стороны экстремистских и террористических объединений происходит искажение мировосприятия молодежи с несформированной гражданской позицией, навязывание нужной им идеологии, возвращение в пропавших детях «львят халифата» для их дальнейшего использования по скрытому предназначению. В последние годы запрещенные организации готовят «камикадзе» непосредственно из местного населения той территории, где предполагается террористический акт, с целью снижения бдительности граждан и правоохранительных органов, сталкивают представителей разных культур, вероисповедания для дестабилизации общественного уклада жизни и национальной безопасности, подрывают государственную привлекательность для международного сообщества. Поэтому формированием личности ребенка предстоит заниматься с самого детства всем заинтересованным лицам и организациям, не игнорируя возрастные периоды развития и поликультурные особенности.

Нельзя не отметить и не снижающуюся внутреннюю преступность. Преступный мир разнообразен по своим этническим признакам³. Соответствующие познания актуальны для правоохранительной сферы в системе государственной безопасности. Ведомственные образовательные организации высшего образования для противостояния нарастающим внутренним угрозам реализуют программы подготовки будущих специалистов, например, по специальности 40.05.01 правовое обеспечение национальной безопасности. Выпускник вуза МВД России готов решать такие специфические задачи в области правоохранительной деятельности, как обеспечение законности, правопорядка, безопасности граждан и государства, поиск с последующей оценкой информации в

1 Лаптев Л.Г., Бельков О.А. Образование и национальная безопасность // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 4. С. 17—23.

2 Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Феномен этнического радикализма в оценках зарубежных экспертов // Власть. 2017. Т. 283. № 4. С. 58—61.

3 Касаев И.Х. Этническая преступность в России: криминологический аспект // Правовая культура. 2011. № 1. С. 203—206.

контексте реализации правовых норм в сфере безопасности державы. Для достижения этой цели в учебный процесс по всем специальностям и направлениям обучения внедряют такие дисциплины, как религиоведение, социология, этнопсихология, где разбираются разнообразные психологические особенности народонаселения страны, их традиции, жизненный уклад, вероисповедание, отрабатываются умения и формируются навыки взаимодействия с гражданами, в том числе в зависимости от этнической принадлежности, например, при игровом моделировании ситуаций¹. В кадровой политике МВД России и других силовых ведомств присутствует тенденция к формированию учебных и служебных коллективов с привлечением сотрудников разных национальностей для поддержания толерантного отношения у каждого стража порядка². Несколько иной подход наблюдается в обучении при профессиональной подготовке вновь принятого на службу сотрудника полиции. Этнокультурный компонент разбирается в минимальной форме при изучении раздела «морально-психологическая подготовка», так как предполагается, что на службу набирают граждан со сформированным мировоззрением. Считаем это недостатком такой подготовки, так как сотрудники отличаются разным уровнем знаний, без предъявления требований к уровню образованности у рядового и младшего начальствующего состава полиции. Непосредственно патрульно-постовую службу граждане видят в общественных местах чаще.

На основании ФГОС третьего поколения вся образовательная деятельность неразрывно связана с воспитательной. В совокупности с ней формируется просветительный процесс, который будем определять как передачу и распространение знаний, культуры в конкретном государстве. В зависимости от того, как эти важнейшие функции просвещения были реализованы с самого детства ребенка внутри социальных институтов, зависит становление гражданской позиции, формирование патриотической направленности молодого поколения. А вузы, в том числе и ведомственные, выполняют корректирующую задачу на завершающем этапе становления полноценной личности. В настоящее время можно наблюдать стойкое искажение нравственных норм российского общества при нарушении передачи от поколения к поколению культурных ценностей, национальной идентификации из-за замещения традиционно российских взглядов в развитии на западные по многим важнейшим направлениям жизнедеятельности, в том числе и в образовании. При массовом распространении информации со стороны научного сообщества о важности этнокультурного просвещения приходит осознание того, что образование выступает гарантом устойчивого развития общества в условиях кризиса³.

В условиях мировой пандемии по COVID-19 образовательные организации России вынуждены перевести реализацию учебных программ в формат дистанционного обучения. При низкой мотивации на познание нового, фиксируемой в настоящий момент у обучающихся, снижается эффективность освоения материала и тем более возможность воспитательного воздействия на них. При длительном нахождении российского образования в таких условиях, страна может получить в ближайшей перспективе еще большую подмену культурных ценностей в искаженном мировоззрении школьников и студентов, что отразится на репутации российского образования и науки⁴.

В стремлении повысить конкурентоспособность России на международной арене мы теряем свою национальную уникальность, тогда как страна занимала лидирующие позиции ни одно столетие, сплывая на своей территории около двухсот национальностей и народностей в один конгломерат. Вследствие урбанизации значительно увеличилась внутренняя миграция, при которой связь с предками постепенно стирается, что способствует миграционным потокам за рубеж квалифицированных специалистов, в том числе и ученых — драйверов науки, работающих уже на безопасность иностранных государств. Полное понимание трансформационных социальных потоков, разработка новой национальной стратегии с изменением вектора развития и учетом прошлого позволяет нашей стране стабильно процветать и дальше.

1 Савченко И.А. Наумов С.И. Этнокультурные аспекты социального взаимодействия в правоохранительной сфере // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. № 8 (9). С. 58—81.

2 Наумов С.И. Справедливость, беспристрастность и толерантность в деятельности полицейского // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения — 2018»: сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 945—946.

3 Ивашевский С.Л. Диалектика идеалов и правовых норм в образовательной культуре России: монография. Н. Новгород: Изд.: ВВАГС, 2008. 251 с.

4 Ивашевский С.Л. Цифровизация гуманитарного знания: содержание, проблемы, перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 223—226.

Шалюгина Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Толерантность как рычаг воздействия на общество

Вовлеченность личности в социальное взаимодействие является неотъемлемой частью развития общества. Современное общество развивается и интегрирует свои требования в сознание человека. Формирование мировоззренческой позиции человека происходит посредством воздействия на его психику. Учет психологических особенностей человека лежит в основе психотехнологий, что приводит к продуктивной реализации некой идеи в обществе. В настоящее время главенствующая идея в общественном сознании — формирование у человека толерантного отношения к различным социальным общностям, которые по какой-то причине находятся в меньшинстве. Толерантные чувства — это внутреннее принятие человеком как равноправной, равнокачественной некой общности независимо от количественного состава, исторической культуры, экономических успехов. Эта позиция формирования толерантного общества в своей основе верна и находит подтверждение в нормах права: в международной Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ (ст. 1; ст. 2 — запрещение дискриминации), в Конституции РФ² (ст. 19), Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»³ (п. 2 Общих положений). Именно эти нормы открывают перед человеком бесконечные перспективы возможностей. Именно толерантное общество (принимаящее и понимающее) дарует личности (для ее развития) доступ к «колодцу» знаний, общественному опыту. Используя этот доступ, любой человек, независимо от того, к какой общности он принадлежит, способен достичь определенного положения в этом социуме, реализовать свои способности, а также дать продвижение идеям того меньшинства, с которым он себя идентифицирует. Но обратной стороной толерантности является невозможность осуждения или табуированности идей и тем предлагаемых представителями меньшинства, что может привести к террористическим манипуляциям с его (меньшинства) стороны. Это позволяет малой общности, внедряя порой не качественные, а иногда даже абсурдные идеи, воздействовать на большинство, которое в силу своей толерантности не может себе позволить их (идеи) игнорировать. Именно игнорирование, заявление о несостоятельности или ничтожности идеи прямо указывает на ущемление и притеснение самовыражения, самобытности меньшинства.

Пользуясь этим рычагом, меньшинство начинает оказывать давление на большинство, превращая взаимодействие в театр абсурда, в результате этого действия начинается развенчание табу в обществе. Табу — это запрещение и ограничения, сами собой разумеющиеся и не требующие оснований и обоснований. В каждом обществе имеются свои запреты — естественные регуляторы общественной жизни, которые являются фундаментом построения социально-политического направления развития этой общности. Нарушение табу мстит за себя, и негативные последствия этого нарушения нельзя сбрасывать со счетов.

Табуированность — это основа культуры, которая на протяжении тысячелетий скрепляет общество, диктуя формы взаимодействия, накладывает санкции за нарушение и продуктивно управляет этой общностью. Толерантность в этом случае выступает как запрет на табу, запрещающие исправление, предупреждение губительных для общества отклонений. Основная идея толерантности заключается в невозможности ограничения (ущемления) ни при каких обстоятельствах прав, обычаев, традиций и моделей поведения меньшинства, даже если они идут вразрез с утвердив-

1 Ст. 1 — все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах; ст. 2 — каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

2 Ст. 19 — запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности

3 Настоящая Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, обеспечения конституционных прав и свобод граждан, гармонизации общественных и государственных интересов, а также в целях координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

шимся образом жизни большинства. При этом меньшинство, достигшее даже ничтожно малого размера, способно подчинить своим желаниям всю популяцию. Но у большинства по-прежнему сохраняется иллюзия, что решения и выбор будут зависеть от его предпочтений¹. Так, постепенно ценности меньшинства превращаются в общезначимые, а нормы и правила большинства обесцениваются и становятся нежизнеспособны.

Эффективные технологии навязывания власти меньшинства под маской толерантности, прав человека, плюрализма получили названия «окна Овертона». Пользуясь этим механизмом, меньшинство вкрадчиво начинает движение своей идеи в общественное сознание, которое приводит к разрушению табу и обесцениванию накопленного опыта.

В рамках «окна Овертона»² вектор возможностей перемещается от позиции «немыслимое» (т. е. отвергаемое, неприемлемое, чуждое общественной морали) до позиции «актуальной политики» (т. е. принятое в общественном сознании, обсуждаемое, разрекламированное и закрепленное на законодательном уровне). Данный механизм может внедрить любую абстрактную идею по следующей схеме. Неприемлемая идея (инцест — норма; каннибализм — правильно; на выборных должностях — представители животного мира и т. д.) начинает часто и долго обсуждаться во всевозможных средствах массовой информации, при этом акцентируется негативное внимание на тех, кто по-прежнему считает идею абсурдной, не заслуживающей внимания и обсуждения (не участвуешь — не искренний, равнодушный, формальный, притворяешься), параллельно эта идея подкрепляется научными изысканиями и мнениями (идея становится научной гипотезой, требующей доказывания). Далее происходит стигматизация тех личностей, которые, выдерживая натиск СМИ, не поддаются несостоятельности той идеи, которая так хорошо рекламируется (не обсуждаешь — ханжа). Затем пугающее название идеи (каннибализм) подменяют красивым (антропофагия), и начинается трансформация исторического развития, акцентируется внимание на временном интервале, где данная идея была исторической нормой, продолжается популяризация и рационализация этой идеи, что приводит к проникновению в индустрию развлечения (ток-шоу, кино, музыка, видеоряд, реклама и т. д.), что проявляет у общественности интерес и зарождает мысль в общественном сознании о закреплении идеи на законодательном уровне. Для этого начинается массированная социологическая работа (соцопросы), находятся неопровержимые подтверждения большого количества сторонников этой идеи. Идея приобретает легальность, и она (идея) — становится догмой.

Таким образом, толерантность как позитивная форма взаимодействия в обществе, внедренная в сознание каждого члена этого общества и являющаяся регулятором общественных отношений, играет «злую шутку» с этим же обществом, разрушая систему ценностей и ненавязчиво смещая власть управления в руки меньшинства.

1 Талей Н.Н. Рискую собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018.

2 Джозев Овертон — «окно Овертона» («окно возможностей») — термин введен в обиход после смерти автора теории, основной идеей которой является метод управления общественным мнением путем изменения отношения людей к тому или иному явлению.